

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ФИЛОЛОГИИ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ЛИРИКИ
О.Ф. БЕРГГОЛЬЦ

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Русский язык и литература
заочной формы обучения, 02031151 группы
Шевцовой Юлии Александровны

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент Е.Н. Семькина

БЕЛГОРОД 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Автобиографическое начало в лирике О.Ф. Берггольц как отражение жизненного пути поэта	9
1.1. Проблемы автобиографизма в литературоведении.....	9
1.2. Автобиографические истоки первого поэтического сборника О.Ф. Берггольц «Стихотворения» (1934)	13
1.3. Жизненный опыт О.Ф. Берггольц как основа лирики второй половины 1930-х годов	18
ГЛАВА II. Автобиографический контекст лирики О.Ф. Берггольц периода Великой Отечественной войны и послевоенного времени	26
2.1. Трагические страницы Великой Отечественной войны в «лирическом дневнике» О.Ф. Берггольц 1940-х гг.	26
2.2. Патриотическая направленность произведений О.Ф. Берггольц «Февральский дневник» (1942), «Ленинградская поэма» (1942).....	34
2.3. Образ Родины в произведениях О.Ф. Берггольц 1943-1945 годов	41
2.4. Исповедальный характер лирики О.Ф. Берггольц 1950-1970-х годов	47
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	55
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	58
ПРИЛОЖЕНИЕ	66

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к творческому наследию Ольги Федоровны Берггольц является **актуальным** в заново осмысляемой истории русской литературы. «Никто не забыт и ничто не забыто» – именно Ольге Берггольц принадлежат эти знаменитые строки, увековеченные на стеле Пискаревского мемориального кладбища. Место О.Ф. Берггольц в отечественной литературе много лет определяли цензоры, которые не пропускали в печать значительную часть написанного поэтессой. В результате ее имя стало ассоциироваться с ура-патриотизмом. И только в начале 1990-х, когда были опубликованы её тюремные стихи и дневники, читатели узнали другую Берггольц. Но по-прежнему большая часть архива Ольги Берггольц закрыта для исследователей.

Известно, что творческий путь О.Ф. Берггольц начался в 1924 году, когда в стенгазете фабрики «Красный ткач» впервые было опубликовано её стихотворение под названием «Ленин». С этого момента и до конца жизни Ольга Берггольц посвятила себя литературе. О.Ф. Берггольц работала в различных жанрах: стихотворение, поэма, трагедия, очерк, повесть, рассказ. Наиболее известными являются такие произведения, как поэмы «Февральский дневник» (1942) и «Твой путь» (1945), трагедия «Верность» (1946-1954) и поэма в прозе «Дневные звёзды» (I часть 1959 г.). Также необходимо отметить значимость мемуарного и эпистолярного наследия автора. Дневники О.Ф. Берггольц – это ценнейшая и значительная часть её литературного наследия.

Научной периодизации творчества О.Ф. Берггольц, к сожалению, нет, однако изучение данного вопроса дало возможность с опорой на факты биографии выделить этапы жизни и творчества, которые были положены в основу выпускной квалификационной работы:

✓ 1930-е гг. – период становления поэта, особое место занимают произведения, написанные в тюрьме (14 декабря 1938 г. – 3 июля 1939 г.);

- ✓ 1941-1945 гг. – военный период;
- ✓ 1946-1953 гг. – послевоенные годы;
- ✓ 1954-1975 гг. – последний этап творчества, совпавший с периодом оттепели в общественной жизни страны.

Первые монографические работы, посвящённые творчеству поэтессы, появились в начале 1960-х годов. Специфика этих исследований, имеющих критико-биографический характер (Н. Банк [7], Г. Цурикова [79]) и обращенных к природе стиха О.Ф. Берггольц (А. Павловский [54]), заключается в том, что они написаны при жизни поэтессы с учётом возможного критического прочтения их самой Ольгой Берггольц. После публикации книги «Дневные звёзды» (1959) интерес исследователей был сосредоточен на жанровых поисках писательницы в области лирической прозы, получивших положительную оценку (Г. Бровман [22]).

В посмертных воспоминаниях конца 1970-х-1980-х годов и в статьях отечественных филологов (А. Арьев [5], В.Я. Лакшин [42], Л. Левин [44], М.Ф. Пьяных [61], Дм. Хренков [77]), которые написаны в основном в методологии советского литературоведения, преобладает официальная трактовка образа поэтессы, обусловленная жёстким идеологическим контролем, а в центре внимания исследователей преимущественно военный период творчества О.Ф. Берггольц.

Следующим этапом освоения творческого наследия поэтессы стал выход в 1988-1990 годах трёхтомного собрания сочинений [12]. В нём впервые предпринята текстологическая подготовка и научное комментирование произведений О.Ф. Берггольц.

Многое сделано для популяризации творческого наследия О.Ф. Берггольц её родной сестрой. После смерти О.Ф. Берггольц публикацией её творческого и мемуарного наследия занималась в основном М.Ф. Берггольц, которая являлась владелицей авторских прав поэтессы. Опубликованные ею в 1990-е годы в периодической печати

автобиографические тексты Ольги Берггольц практически не сопровождались научным историко-литературным комментарием. М.Ф. Берггольц включала новые архивные материалы в выпущенные к юбилейным датам издания, которые, при безусловной их ценности, имеют ограниченную научную значимость.

В 1990-е и 2000-е годы изучение творчества О.Ф. Берггольц продолжалось, но не было интенсивным. В диссертационной работе Л.Г. Чащиной [81] отдельные вопросы жанра и поэтики творчества О.Ф. Берггольц рассматривались в русле традиций советского литературоведения.

Английский славист из Кембриджа К. Ходжсон (Katharine Hodgson) в вышедшей в 2003 году монографии «Voicing the Soviet Experience: The Poetry of Ol'ga Berggol'ts» («Высказывание советского опыта: поэзия Ольги Берггольц») [74] предприняла попытку осмысления всего творчества О.Ф. Берггольц с точки зрения зарубежной литературы.

Особый вклад в изучение творческого и жизненного пути О.Ф. Берггольц внесла О.М. Оконеvская, которая была лично знакома с поэтессой и поддерживала отношения с ней в течение последних двенадцати лет её жизни. В своей работе «"... И возвращусь опять": Страницы жизни и творчества О.Ф. Берггольц» [49] О.М. Оконеvская обобщает и анализирует большой документальный материал, воспоминания блокадников, друзей и коллег поэта, которые являются особенно ценными для тех, кто интересуется ее творчеством.

Новый всплеск исследовательского интереса к произведениям и судьбе О.Ф. Берггольц вызвал 100-летний юбилей со дня рождения поэтессы, отмеченный выходом ряда книг: «"Так хочется мир обнять": О.Ф. Берггольц» [71] и «Ольга. Запретный дневник» [11].

Особый интерес представляет сборник исследований и публикаций «"Так хочется мир обнять": О.Ф. Берггольц» [71] под редакцией

Н.А. Прозоровой (2011), в который включены новые архивные материалы, позволяющие понять истоки творческого и жизненного пути Ольги Берггольц. В этой книге впервые опубликован отроческий дневник поэтессы. Также в издание входят малоизвестные стихи конца 1920-х годов. Статьи в данном сборнике посвящены неизвестным страницам биографии О.Ф. Берггольц и вопросам изучения её творческого наследия.

Необходимо отметить книгу «Ольга. Запретный дневник» (2011) [51] под редакцией Н. Соколовской, составленную из дневников 1939-1949 годов, писем, отрывков из второй части книги «Дневные звёзды». Здесь впервые представлены материалы следственного дела О.Ф. Берггольц. Также в книгу включены малоизвестные и ранее неизвестные фотографии «ленинградской Мадонны» и её окружения.

На сегодняшний день изучением творческого наследия О.Ф. Берггольц занимается Н.А. Прозорова. В диссертации «Документально-мемуарная проза О.Ф. Берггольц: парадигмы становления творческой личности (1920-е гг.)» (2013) [57] Н.А. Прозоровой впервые с целью выявления парадигм творческого становления О.Ф. Берггольц сделан анализ её документально-мемуарной прозы 1920-х годов в комплексе с другими архивными мемуарно-автобиографическими материалами и в контексте её литературного наследия в целом.

Особого внимания заслуживает книга М. Золотоносова «Охота на Берггольц. Ленинград 1937» (2015) [35], которая посвящена травле Ольги Берггольц в 1937 году.

Также обширные материалы о творчестве и жизни О.Ф. Берггольц представлены в публицистических статьях таких авторов, как Л. Аннинский [2], Т.М. Горяева [29], Н. Гранцева [30], А. Данилов [31], С. Завьялов [34], Л.В. Кипнес [39], Е.П. Пронина [59], Е.С. Роговер [63], А. Рубашкин [64], А. Синявский [68], Т.Ю. Хмельницкая [73], О.С. Шурупова [82] и др. Эти и названные ранее источники стали основой для подготовки выпускной квалификационной работы.

Объектом исследования в выпускной квалификационной работе стало поэтическое наследие О.Ф. Берггольц.

Предмет исследования – автобиографические истоки лирики О.Ф. Берггольц.

Цель работы заключается в выявлении автобиографических истоков поэзии О.Ф. Берггольц 1930-1970-х годов.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

1) осмыслить содержание понятия «автобиографизм» с опорой на труды литературоведов;

2) выявить автобиографическое начало в лирике О.Ф. Берггольц разных лет;

3) рассмотреть истоки автобиографизма в творчестве О.Ф. Берггольц;

4) раскрыть особенности преломления автобиографизма в поэтике произведений О.Ф. Берггольц;

5) подготовить конспект урока для 11 класса с учетом результатов проведенной работы.

Теоретико-методологическую основу выпускной квалификационной работы составляют работы литературоведческого характера: труды П.С. Выходцева [36], Г.Н. Пospelова [23], Л.М. Крупчанова [24]; материалы словарей литературоведческих терминов [9] и другие литературоведческие источники.

В выпускной квалификационной работе использованы следующие **методы исследования**: биографический, структурно-генетический, типологический.

Материалы выпускной квалификационной работы прошли **апробацию** на международном молодежном научном форуме «Белгородский диалог – 2017» (21 апреля 2017 г.).

Практическая значимость исследования состоит в том, что его основные положения и выводы могут использоваться учителями-словесниками на уроках литературы.

Выпускная квалификационная работа включает введение, две главы, заключение, список использованной литературы, насчитывающий 82 наименования и приложение.

ГЛАВА I. Автобиографическое начало в лирике О.Ф. Берггольц как отражение жизненного пути поэта

1.1. Проблемы автобиографизма в литературоведении

Изучение центрального вопроса выпускной квалификационной работы требует обращения к содержанию такого понятия, как «автобиографизм», которое широко используется в литературоведении, хотя нередко этот феномен воспринимается как связь с реально существующим автором произведения: его биографией, психологией и мировоззрением. Безусловно, такая связь имеется, но не всегда учитывается, что при создании произведения автобиографические элементы подвергаются художественной трансформации и становятся событием художественного мира. На это указывает немалое количество статей и диссертаций, в которых изучается автобиографизм в творчестве писателей классиков и современников. Большой вклад в развитие теории автобиографизма внесли М. Бахтин, О.А. Большев, М.Л. Выготский, Л. Гинзбург, Д.С. Лихачев, М. Медарич, И.П. Карпов, В.Б. Шкловский и другие ученые.

Об автобиографизме исследователи также говорят в контексте изучения жанра автобиографии. Отметим, что работы Ф. Лежена об автобиографии признаются в литературоведении наиболее авторитетными [38, с. 25]. В то же время термин «автобиографизм», генетически происходя от автобиографии, приобретает более широкое толкование и становится полисемантическим.

Для работы Л. Гинзбург «О психологической прозе» [27, с. 52] характерен следующий подход: автобиографизм исследуется в рамках автобиографии как способ отражения реальных событий авторской жизни, как форма художественной автоинтерпретации.

О.А. Большев в своих исследованиях использует термин «исповеднический автобиографизм», который, по его словам, «бросает свет на подводную часть айсберга личности автора» [цит. по: 21, с. 167]. К произведениям, которые пронизаны с исповедальным автобиографизмом исследователь относит те тексты, где «количество проецируемого сокровенно-личностного переходит в качество, а установка на исповедь становится доминирующей <...> возникает эффект прикосновения с болевыми точками» [21, с. 170] личности автора. В этих случаях художественный текст сводится к «жизненным травмам, навязчивым идеям автора», которые засвидетельствованы в документах: в письмах, дневниках, воспоминаниях современников и т.д.

Исследовательница В. Агеева под автобиографизмом подразумевает художественные формы самопрезентации не только в автобиографиях, но и в других жанровых вариантах «личного» письма: автобиографической повести, эпистолярной и дневнике [1, с. 64].

Вне жанра документально-художественной автобиографии автобиографизм изучается с двух позиций: соотношения биографической личности автора с литературным героем и средства воплощения творческого замысла писателя [38, с. 34]. Писательские творческие интенции раскрываются в ходе анализа поэтики каждого конкретного произведения и не могут служить основой для теоретического осмысления природы и функций автобиографизма. Особый интерес представляют работы, посвященные взаимосвязи авторского начала с образом героя, изучению способов демонстрации их взаимоотношения. По мнению исследователей, наличие или отсутствие автобиографизма в произведении определяется путем биографического исследования текста. Степень автобиографичности, обнаруженная исследователями, различна: от наделения героя лишь одной из собственных черт автора до полного духовного единения с ним, полного вверения герою собственного «я».

М. Медарич видит в автобиографизме литературный приём, реализованный посредством использования в качестве основы произведения ситуаций, фактов, духовных мотивов, связанных с личностью автора [46, с. 5]. М. Медарич в статье «Автобиография/автобиографизм» даёт следующее определение автобиографизму: это «стилистически маркированный литературный приём, представляющий собой эхо жанра автобиографии» [46, с. 6], указывая, что можно говорить об автобиографизме вне жанра автобиографии главным образом при наличии сходства между автором, повествователем и персонажем. Исследователь выделяет следующие признаки: указание автора на собственное имя, сведения биографического характера и др. [46, с. 10].

На наш взгляд, подобная трактовка термина не даёт полного представления о таком литературном феномене, как автобиографизм. Однако М. Медарич затрагивает основополагающий принцип автобиографизма – модус автобиографии как отправная точка для всех документальных жанров.

И.П. Карповым предложено разностороннее толкование термина: «Автобиографизм – трансформация автором «жизненного материала» в направлении своей экзистенциальной сферы, своего эмоционального комплекса и видения человека; в литературно-художественном произведении такое понимание автобиографизма реализуется указанием субъекта речи на автобиографическую основу повествования; в авторологии автобиографизм рассматривается как одна из форм авторской образно-словесной игры» [цит. по: 38, с. 52].

На этом основании возможно условное противопоставление художественной автобиографии и автобиографизма. В художественно-автобиографическом тексте часто сохраняется хронологическая последовательность событий жизни как структурный принцип, но автобиографический герой не тождественен личности самого писателя, что ставит под вопрос достоверность произведения. Иными словами, жанр художественной автобиографии допускает элементы вымысла, и это подразумевает «модус» художественности (а не документальности) произведения.

А.О. Большев в исследовании «Исповедально-автобиографическое начало в русской прозе второй половины XX века» выделяет следующие формы проявления автобиографизма в произведении:

- проекция психологии, душевных качеств, иногда и личностных особенностей автора на образы-характеры героев произведения;
- сюжетно-событийная связь между биографией авторского «я» и его героев;
- наличие основных мотивов, ситуаций, имеющих повторяющийся (лейтмотивный) характер и также обнаруживающих прямую или символическую связь с личностью (жизнью) автора, что впоследствии приобретает форму художественно-смысловой закономерности [21, с. 115].

По мнению А.О. Большева, автобиографизм по отношению к личности автора может выражать следующие функции:

- осмысления, осознания жизни – функция рефлексии, извлечения опыта;
- прогностическая функция автобиографизма;
- подтверждение достоверности изложенных в тексте событий;
- оправдание своей жизни, своего опыта [21, с. 121].

Функционирование автобиографического начала в художественных и документальных жанрах различно. В художественной, в частности, автобиографической прозе автобиографизм сигнализирует об опоре автора на «фактуальность» своей жизни, о достоверности вымышленного сюжета или персонажей, которые могут иметь реальных прототипов. Собственно документальные жанры, к которым могут быть отнесены дневники, письма и нередко исповеди, благодаря автобиографизму отличаются повышенной степенью авторской рефлексии, но могут получать дополнительный заряд со стороны автора, его творческой энергии и словно притягивать к себе элементы вымысла. В этих случаях в воссозданной в текстах жизни автора реконструируется «сюжет», который обладает литературной завершенностью. Однако это бывает далеко не всегда, и соответствующая

трансформация документально-автобиографического начала в художественно-автобиографическое нередко становится творческой установкой писателя.

Таким образом, к трактовке понятия «автобиографизм» обращались многие исследователи. Анализ научных трудов позволяет заключить, что автобиографизм – это трансформация реалий личного внешнего и внутреннего опыта автора, связанного с обстоятельствами его жизни, в художественно-образную систему литературного произведения. Художественное произведение возникает как воплощение авторского замысла, которое кодируется в тексте и включает авторское сознание, сформированное на базе образа повествователя и образов персонажей. Образ автора проявляется с различной интенсивностью в выборе событий, развитии характеров и сюжета, в композиции произведения, в различной степени использования документального материала, в применении таких средств, как пейзаж, диалог, ритм, повторы, контраст, отступления. Для создания художественной модели мира писатель использует факты из своей жизни и свое миропонимание. Можно утверждать, что автобиографические произведения, содержащие реальные или вымышленные события или представляющие историческую реконструкцию, являются частью истории культуры.

1.2. Автобиографические истоки первого поэтического сборника

О.Ф. Берггольц «Стихотворения» (1934)

Автобиографическое начало пронизывает все творчество О.Ф. Берггольц, начиная с ранних произведений. И это неслучайно, поскольку источником ее поэзии стала сама жизнь. В первую очередь необходимо обратиться к лирике 1930-х годов, в которой получают осмысление детали детства, юности, драматические события личной судьбы поэтессы. Так, исследователь творчества О.Ф. Берггольц Н. Соколовская

подчёркивает, что отсчёт литературной деятельности поэта целесообразно вести с 1930 года [69]. По утверждению биографа поэтессы О.М. Оконеvской, именно с этого периода автобиографическое начало просматривается в каждом лирическом произведении Ольги Берггольц [49, с. 32].

Для понимания автобиографических истоков лирики О.Ф. Берггольц важен факт её знакомства в 1926 году с поэтом Борисом Корниловым. В 1928 году Берггольц и Корнилов становятся мужем и женой, в этот же год у них появляется дочь Ирина.

Известно, что популярность Бориса Корнилова была очень велика, однако, несмотря на то, что стихи Корнилова были близки людям, имя его всё чаще упоминалось в сплетнях: преувеличивались его проступки, в том числе и в газетной «скандальной хронике», ему приписывали пьянство, хулиганство и бытовое разложение. Газета «Литературный Ленинград» от 20 марта 1936 года писала следующее: «На наших глазах пьянствует одарённый человек, большой художник. Пьянствует с чужаками и болтает чёрт его знает что». Данная статья помещена на четвертой странице слева, а справа – в чёрной рамке: «Друзья и товарищи выражают соболезнование О.Ф. Берггольц по случаю смерти её дочери Ирины» [32, с. 108]. Здесь нет ни слова о том, что это была и его дочь.

В 1937 году Ольга Берггольц напишет стихотворение-посвящение старшей дочери «Память»:

Не выплакалась я, не накричалась,
о камни я не билась головой:
о девочка, я думала сначала,
что ты вернёшься прежней и живой...

Нет, не безумием и не рассудком,
Я верила страшнее и теплей –
Всем, что во мне заложено, – с минуты
Возникновенья жизни на земле...

«Память», 1937 [51, с. 407].

В 1933 году О.Ф. Берггольц потеряла младшую дочь, и потому смерть старшей воспринимается как двойной удар. Личная трагедия становится непосильной ношей для поэта. Устами лирической героини Ольга Берггольц просит об одном:

О душа моя, проси забвенья:
ты сама не справишься с тоской.
Умоляй с надеждой и терпеньем
вешний ветер, теплый и сырой,
умоляй мерцающую землю,
клейкие, в сережках, тополя
и траву, которой еле-еле
городская убрана земля.
Умоляй без гордости, без воли
всю прекрасную земную твердь –
пусть она забыть тебе позволит
существа возлюбленного смерть.

«Память», 1937 [51, с. 408].

В октябре 1936 года «Литературный Ленинград» печатает Постановление президиума правления ЛОССП об исключении Бориса Корнилова из рядов Союза советских писателей за «антиобщественное поведение, порочащее звание советского писателя», с заверением, что он сможет вернуть себе утерянное доверие и через год поставить вопрос о возвращении ему почетного звания члена Союза советских писателей [32, с. 160]. В стихотворении «В селе Михайловском» он писал:

Одни товарищи в могиле,
Другие – неизвестно где.

«В селе Михайловском», 1936 [40, с. 206].

Биограф Б. Корнилова Н. Елисеев приводит следующий факт, отразившийся в творчестве О.Ф. Берггольц: «весной 1937 года, незадолго до своего ареста, Корнилов пришел к Ольге Берггольц. Их семья распалась семь

лет назад, однако узы поэзии и дружбы были нерасторжимы. Они понимал, что встреча будет горькой, но такой необходимой им обоим» [цит по: 32, с. 108]. Через несколько дней после этой встречи Борис Корнилов отправился туда, где, по словам О.Ф. Берггольц:

Молчат берёзы кроткие,
над омутом горя.
И тоненькой решёткою
подёрнута заря...

«Аленушка», 1940 [51, с. 444].

20 февраля 1938 года Выездной сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР Борис Корнилов приговорен к исключительной мере наказания – расстрелу. Приговор приведён в исполнение 20 февраля 1938 г. в Ленинграде [4, с. 137].

Через два года, не зная, что его уже нет, О.Ф. Берггольц напишет:

Но если – я верю – вернёшься обратно,
но если сумеешь узнать –
давай о взаимных обидах забудем,
побродим, как раньше, вдвоём –
и плакать, и плакать, и плакать мы будем,
мы знаем с тобою о чем.

«Борису Корнилову», 1939 [51, с. 436].

В 1940-м году, уже после своего ареста, О.Ф. Берггольц посвятит Б.П. Корнилову ещё одно стихотворение, в котором, по словам О.М. Оконева, «увидит себя в образе Аленушки, озабоченной вечным вопросом» [цит. по: 49, с. 36]:

Оболганный, обманутый,
ни в чём не виноват –
Иванушка, Иванушка,
воротись же ль назад?

«Аленушка», 1940 [51, с. 436].

Ещё один факт, важный для понимания автобиографических истоков лирики О.Ф. Берггольц, приводит Н.Б. Банк: «В 1930 году в жизнь Ольги Берггольц вошёл Николай Молчанов» [цит. по: 7, с. 61]. К концу 1930 года О.Ф. Берггольц опубликовала уже около тридцати стихотворений.

К 1934 году у Ольги Берггольц накопилось достаточное количество стихотворений, которые составили её первый поэтический сборник. Книга состоит из трёх разделов, каждому из которых предпослан эпиграф из стихов любимых поэтов (первый раздел – Б. Пастернак, второй и третий – Н. Тихонов). Первый сборник «Стихотворения» о любви, о семье, о радостях материнства и первой в жизни трагедии – смерти младшей дочери Майи.

Уже в апреле 1934 года отдельной статьей К. Верещагина на книгу стихов О.Ф. Берггольц откликнулась газета «Литературный Ленинград». К. Верещагин отметил, что «небольшая эта книга – свидетельство напряжённой борьбы, поисков собственного поэтического голоса, переосмысление старой лирической темы» [49, с. 44]. Отметим, что первый сборник стихов О.Ф. Берггольц одобрил М. Горький: «Ваши стихи понравились мне. Они кажутся написанными для себя, честно, о том «именно», что чувствуете Вами, о чём думаете Вы, милый человек. Всё очень просто, без фокусов, без игры словом, и веришь, что Вам поистине дороги "республика, работа и любовь"» [49, с. 45].

По мнению А.И. Павловского, в сборнике «Стихотворения» проявляется ярко выраженное личностное начало. Его лучшие стихи о том, что уже выстрадано [53, с. 48]. Многими исследователями творчества поэтессы отмечается, что именно личная выстраданность частного и общего бытия как своего делает из О.Ф. Берггольц блокадного поэта.

Анализируя первый сборник стихотворений О.Ф. Берггольц, биограф поэта О.М. Оконева указывает, что на его страницах можно увидеть веру в то, что

...как друзья, берут нас на поруки

Республика, работа и любовь [51, с. 384].

«Порука», 1933 [51, с. 384].

Здесь же, по мнению О.М. Оконеvской, Ольга Берггольц дает своего рода присягу:

...мы отдадим всю молодость – за нашу

Республику, работу и любовь.

«Порука», 1933 [51, с. 384].

Таким образом, можно сказать, что «республика, работа и любовь» являются лейтмотивом поэтического сборника «Стихотворения», объединившего первые поэтические опыты О.Ф. Берггольц.

1.3. Жизненный опыт как основа лирики О.Ф. Берггольц второй половины 1930-х годов

Многие исследователи творчества О.Ф. Берггольц считают, что именно на вторую половину 1930-х годов пришелся «жестокий расцвет» творчества поэтессы. Это время началось в 1937-1939 годах, когда Ольга Берггольц сначала проходит свидетелем по очередному сфабрикованному процессу, а спустя полтора года была арестована уже как «активная участница контрреволюционной террористической организации» и после очередного допроса в тюремной больнице теряет ребенка.

В 1936 году выходит второй сборник стихов Ольги Берггольц «Книга песен». Эта книга пронизана радостью новых открытий. «Книга песен» начинается разделом «Детство», в котором, по представлению Н. Банк, «воедино слилось детство собственное и детство дочерей О.Ф. Берггольц» [цит. по: 7, с. 73]. Открывается раздел стихотворением «Песня дочери»,

которое напоминает детский рисунок – «с небом, похожим на голубой зонтик и таким близким, как бывает только в детстве [7, с. 77], а рядом собственное детство:

Ты все еще меня не покидаешь,
Повадка, слух и зрение детей.

«Песня дочери», 1936 [51, с. 397].

«Память» – это второй раздел сборника «Книга песен». Исследователи А. Каратеев [37], Т. Хмельницкая [73], Л. Чашина [81] сходятся во мнении, что позднее именно память отразит основное в поэзии О.Ф. Берггольц, станет ее своеобразным паролем, пропуском из прошлого в будущее. В октябре 1939 года О.Ф. Берггольц напишет:

На асфальт расплавленный похожа
память ненасытная моя:
я запоминаю всех прохожих,
каждое движенье бытия...
След колес, железных и зубчатых, –
ржавый след обиды и тоски.
Рядом птичий милый отпечаток –
дочери погибшей башмачки.
Здесь друзья чредою проходили.
Всех запоминала – для чего?
Ведь они меня давно забыли,
больше не увижу никого.

«На асфальт расплавленный похожа...», 1939 [51, с. 428].

Последний раздел сборника носит название «Верность». В данном сборнике стихов подразумевается верность любимому человеку Николаю Молчанову. В 1946 году О.Ф. Берггольц начнёт работу над своей первой трагедией под аналогичным названием, но с уже более глубокой идеей.

Ещё один факт, важный для понимания автобиографических истоков лирики О.Ф. Берггольц, приводит М. Золотоносов в своей работе «Охота на Берггольц. Ленинград 1937» [35]. В начале 1937 года О.Ф. Берггольц была

исключена из Союза советских писателей, а также из профсоюза, комсомола и из кандидатов в члены ВКП(б) [35, с. 62]. Летом 1938 года О.Ф. Берггольц восстанавливают с отменой всех предъявленных обвинений. Однако брошенная на неё тень отпугивала многих друзей и знакомых [71, с. 87]. В «Автобиографии» Ольга Берггольц написала так об этом периоде в своей жизни: «Я не запыла с горя, рук не сложила, стала работать в школе...» [12]. Необходимо отметить, что преподавание в школе и работа в литературной студии дворца пионеров не оставили заметного следа в биографии поэта, в поэзии не отразились.

В декабре 1938 года О.Ф. Берггольц арестовали снова. В этот раз её обвинили в покушении на Жданова [35, с. 119]. Что было дальше описал А. Вознесенский, после того как однажды ночью 1967 года к нему пришла Ольга Берггольц. Строки цитируемого далее стихотворения впервые были опубликованы в «Литературной газете» в 1987 году:

С худобой табачною сивилл,
 мне Берггольц рассказывала быль,
 как ее до выкидыша бил
 следователь, выбросив в пролёт.
 Она все летит и всё поёт
 над страной и дождичком косым –
 – Сын!..

«Богоматерь-37» [25, с. 267].

Потеряв к тому времени обеих дочерей, Ольга Берггольц ждёт сына:

Где жду я тебя, желанный сын?!
 – В тюрьме, в тюрьме!
 Ты точно далёкий огонь, мой сын,
 В пути, во тьме.
 Вдали человеческое жильё,
 Очаг тепла.
 И мать пеленает дитя своё,
 Лицом светла.

Не я ли это, желанный сын,
 С тобой, с тобой?
 Когда мы вернёмся, желанный сын,
 К себе домой?
 Кругом пустынно, кругом темно,
 И страх, и ложь,
 И голубь пророчит за темным окном,
 Что ты – умрёшь...

«Испытание», 1939 [51, с. 416].

В статье Н. Соколовской «Тюрьма – исток победы над фашизмом» [69] объектом внимания становится история ареста О.Ф. Берггольц в 1938-1939 гг. Исследователь указывает, что в тюрьме, в общей камере №33 и в одиночках, О.Ф. Берггольц сочинит и запомнит (писать был не на чем) цикл стихотворений «Испытание», в котором она оплакивает то убитого ребёнка, то неизлечимо больного супруга [69]. Достоверность этих слов подтверждается строками:

Ты ждёшь меня, возлюбленный! Я знаю,
 Ты ждёшь меня, тоскуя и любя...
 Нет, я не виновата, что страдаю,
 Что заставляю мучиться тебя!
 О, только бы домой дойти! Сумею
 Рубцы и язвы от тебя укрыть,
 И даже сердце снова отогрею,
 И даже верить буду и любить.

«Испытание», 1939 [51, с. 416].

Также в цикле «Испытание» ярко представлен образ отчего дома поэтессы:

Мне старое снилось жилище.
 где раннее детство прошло,
 где сердце, как прежде, отыщет
 приют, и любовь, и тепло.

«Испытание», 1939 [51, с. 417].

Биограф поэта О.М. Оконеvская указывает, что Невская застава («старое жилище») со своей территорией и со всеми её людьми осталась в душе и творчестве О.Ф. Берггольц навсегда [49, с. 58].

Необходимо остановить внимание на том, что детство Ольги Берггольц – это ещё один важный факт для понимания истоков её лирики. Рассматривая цикл стихотворений «Испытание», Л. Левин указывает, что в цикле просматривается и тоска по самому духовно близкому Ольге Берггольц человеку – отцу Фёдору Христофоровичу [44, с. 172]. Г.М. Пономарёва отмечает, что даже когда отношения между родителями Ольги Берггольц испортились и семья распалась, отец оставался для неё старшим другом и советчиком [71, с. 48]:

...Я знаю – убогим и ветхим
становится старый наш дом;
нагие унылые ветки
стучат за померкшим окном.

А в комнате с мебелью старой,
в обиде и тесноте,
живет одинокий, усталый,
покинутый нами отец...

«Испытание», 1939 [51, с. 417-418].

И снова Ольгу Берггольц одолевают воспоминания из детства, которые переплетаются со страшной реальностью:

Я сама не знаю – почему
мне из детства,
мне издалека
льётся в эту каменную мглу
только свет зелёный ночника.
Тихий, кроткий, милый, милый Свет,
ты не оставляй меня одну.

Ты свети в удушье, в горе, в бред –
может быть, поплачу и – усну...

И в ребячьем свете ночника
мне приснится всё, что я люблю,
и родная мамина рука
снимет с горла белую петлю.

«Испытание», 1939 [51, с. 418].

3 июля 1939 года Ольга Берггольц получает освобождение из-под ареста:

Перешагнув порог высокий,
становилась у ворот.
Июльский вечер светлоокий
спускался медленно с высот.
И невский ветер, милый, зримый,
летел с мостов гремя, смеясь...
...Но столько раз мне это снилось,
что не обрадовалась я.

«Испытание», 1939 [51, с. 422].

Стоит привести дневниковую запись Ольги Берггольц от 15/VII-39, в которой она описывает свои чувства после тюремного освобождения: «13 декабря 1938 года меня арестовали, 3 июля 39-го, вечером, я была освобождена и вышла из тюрьмы. Я провела в тюрьме 171 день. Я страстно мечтала о том, как я буду плакать, увидев Колю и родных, – и не пролила ни одной слезы. Я нередко думала и чувствовала там, что выйду на волю только за тем, чтобы умереть, – но я живу... подкрасила брови, мажу губы...

Я ещё не вернулась оттуда, очевидно, ещё не поняла всего...»
[51, с. 29]

После освобождения, в 1939 году, Ольга Берггольц пишет цикл стихотворений под названием «Возвращение». Говоря словами

О.М. Оконева, «первые дни О.Ф. Берггольц никак не могла выйти на улицу. Только Николаю Молчанову она могла рассказать о муках унижения и безысходности, пережитых в тюрьме» [цит. по: 49, с. 59]:

Дай спую тебе, муж,
колыбельную.

Ты приляг – теплей
на плече моём...

Много-много дней
проживем вдвоём.

Нам враги вокруг
удивляются,
нами каждый друг
похваляется...

Нам в последний бой
уходить с тобой,
если смерть придет –
умирать с тобой.

«Возвращение», 1939 [51, с. 424].

В своём дневнике от 15/X-39 О.Ф. Берггольц пишет: «Да, я ещё не вернулась оттуда. Оставаясь одна дома, я вслух говорю со следователем, с комиссией, с людьми – о тюрьме, о постыдном, состряпанном «моем деле». Все отзывается тюрьмой – стихи, события, разговоры с людьми. Она стоит между мной и жизнью...» [51, с. 30]:

Неужели вправду это было:
На окне решетки, на дверях?..
Я забыла б – сердце не забыло
Это унижение и страх.

«Испытание», 1939 [51, с. 424].

Необходимо сказать о том, что большую часть стихов этого периода ещё нельзя было напечатать, но нельзя было и не писать.

Также в 1939 году рождается цикл «Родине», который, по словам А. Синявского, является своеобразным триптихом, каждая часть которого смотрится отдельно, но воспринимается как целое [68, с. 227]. В данном цикле нет ни упреков, ни тени озлобленности:

Гнала меня и клеветала,
Детей и славу отняла,
А я не разлюбила – знала:
Ты – дикая. Ты – не со зла.

«Родине», 1940 [51, с. 430].

Рассматривая особенности жизни и творчества О.Ф. Берггольц, Н.А. Громова указывает на то, что «допросы и вызовы в НКВД, потеря ребёнка стали лишь прологом к дальнейшим трагическим испытаниям в её жизни» [71, с. 89].

Таким образом, поэзия Ольги Берггольц в этот период уже была на пути к восхождению. Новым содержанием наполнялись такие понятия, как «память» и «верность». Автобиографизм пронизывает всё творчество О.Ф. Берггольц 1930-х годов, раскрывается в стихотворениях, посвящённых умершим детям. первому мужу Борису Корнилову, запечатлевших страдания поэтессы в тюрьме.

Автобиографизм в творчестве Ольги Берггольц проявляется через воспоминания, через образы памяти. В большинстве лирических произведений рассматриваемого периода заметно максимальное сокращение дистанции между автором и лирической героиней. Отметим, что в произведениях последующих периодов эта дистанция и вовсе исчезает.

Несмотря на то, что тюрьма сыграла жестокую роль в судьбе О.Ф. Берггольц, именно на этот период приходится расцвет ее творчества. Тюрьма подготовила почву для блокадных произведений О.Ф. Берггольц.

ГЛАВА II. Автобиографический контекст лирики О.Ф. Берггольц периода Великой Отечественной войны и послевоенного времени

2.1. Трагические страницы Великой Отечественной войны в «лирическом дневнике» О.Ф. Берггольц 1940-х годов

Военный период творчества О.Ф. Берггольц долгое время находился в центре внимания исследователей, поэтому он считается наиболее освещённым. По утверждению В. Улыбина, «Ольга Берггольц стала Гласом Трубным осаждённого города, дивной женщиной, владеющей Словом, поднимающим людей и дома из разрухи» [71, с. 117]. Во время войны О.Ф. Берггольц будут называть «Железной Девой Блокады», «Ленинградской мадонной» и «Пламенным сердцем блокадного Ленинграда».

Стоит привести дневниковую запись О. Берггольц от 4/VI-41, в которой отразились предчувствия приближающейся войны: «О, как мало времени осталось на жизнь и ничтожнейше мало – на расцвет её, которого, собственно, ещё не было <...> А над всем этим – близкая, нависающая, почти неотвратимая война. Всеобщее убийство, утрата Коли (почему-то для меня несомненно, что его убьют на войне), утрата многих близких, – и, конечно, с войной кончится своя, моя отдельная жизнь, будет пульсировать какая-то одна общая боль, и я буду слита вместе с нею, и это будет уже не жизнь. И если останусь жить после войны и утраты Коли, что маловероятно, то оторвусь (как все) от общей расплавленной массы боли и буду существовать окаменелой, безжизненной каплей, в которой не будет даже общей боли и уж совсем не будет жизни. Так или иначе – очень мало осталось жизни» [51, с. 53].

В дневнике от 22/VI-41 О.Ф. Берггольц запишет только одно: «14 часов. ВОЙНА!» [там же, с. 55].

Движимая чувством тревоги, О.Ф. Берггольц ни на минуту не оставляла Николая Молчанова:

Ты говоришь:

– Ну как? Не страшно?

– Нет... Ты идешь в военкомат? –

Ещё ты муж, но больше – брат...

Ступай, родной...

И ты – солдат,

ты соотечественник мне,

и в этом – все.

«Мы на войне», 1941 [51, с. 454].

«Мы на войне» – это было их единственное решение. Не ожидая повестки, Николай Степанович пошел в военкомат, а Ольга Фёдоровна сразу же направилась в Дом писателя [49, с. 69]. Дорогой Берггольц видела, как двигались собранные по тревоге войска ПВО. В этот момент родились её первые строки о войне.

Город ещё не успел заснуть, а в 1 час 45 минут заревели сирены, к которым присоединились заводские гудки, предупреждая об опасности. Так к Ленинграду рвались первые фашистские бомбардировщики. Как свидетельствует биограф поэта О.М. Оконеvская, утром Николай Молчанов сказал Ольге Берггольц: «– Ты извини, но мне пора». О.Ф. Берггольц вспоминала потом: «– Я встала перед ним на колени и целовала всего – с ног до головы. Я чувствовала, я знала: для него война – это конец. В тот день я будто прощалась с ним» [49, с. 70].

Говоря словами критика А. Рубашкина, «война выбрала О.Ф. Берггольц, чтобы её стихами и её голосом говорить с Ленинградом» [цит. по: 64, с. 117].

С первых дней войны О.Ф. Берггольц работала на радио. Первый очерк Ольги Берггольц «Комендант» вышел в эфир 3 июля, а 8 июля она выступила

уже в другом жанре – с сатирическим стихотворением «Чтобы дядя не болтал, / за ушко да в трибунал». По представлению Н. Банк, после эфира 8 июля 1941 года Ольга Берггольц ощутила себя в новом качестве, когда слово пошло не к читателю, а к слушателю [7, с. 89].

В сентябре 1941 года замкнулось кольцо блокады. Как на боевой пост, идет Ольга Берггольц в Дом радио, и снова звучит в эфире: «– Внимание! Говорит Ленинград! Слушай нас, родная страна. У микрофона поэтесса Ольга Берггольц» [77, с. 144].

В книге «Говорит Ленинград» О.Ф. Берггольц вспоминает, как 19 сентября 1941 года в Дом радио пришла женщина, у которой только что под развалинами дома погибло двое детей: «Она никогда не выступала по радио, но она пришла и сказала: – Пустите меня к радио... я хочу говорить!

И она рассказала о том, что час назад случилось с ее детьми... И нам запомнились не столько её слова, сколько её дыхание» [13, с. 228].

Рассматривая особенности военной лирики Ольги Берггольц, А. Данилов указывает, что её собственные страдания, боль утраты детей, а также разлука с матерью вызвали к жизни «Первое письмо на Каму» [31, с. 181]:

Я знаю – далеко на Каме
тревожится, тоскует мать.
Что написать далёкой маме?
Как успокоить? Как солгать?

Она в открытках каждой строчкой,
страшась и всей душой любя,
всё время молит: «Дочка, дочка,
прошу, побереги себя...».

«Первое письмо на Каму», 1941 [51, с. 459].

Добавим, что для поддержки участников военных действий, Ольга Берггольц всё чаще выступает перед солдатами, рабочими и ранеными:

Мы знаем – нам горькие выпали дни,
 Грозят небывалые беды.
 Но Родина с нами, и мы не одни,
 И нашею будет победа.

«Первое письмо на Каму», 1941 [51, с. 460].

Необходимо остановить внимание на том факте, что о подлинном положении в Ленинграде страна даже не догадывалась. В связи с этим интересно воспоминание Ольги Берггольц о её разговоре с отцом Ф.Х. Берггольц:

«– ... Ничего, мы ещё продержимся. Мы ещё повоюем. Не понимаю только, почему меня на фронт не берут, – ворчал отец.

– Папа, но ведь возраст.

– Все говорят: «Возраст, возраст!». А почему никто не говорит: «Опыт!». У меня ведь стаж – сама знаешь. Мне и лечить, собственно, нечем. Тут не столько лекарства, сколько еда нужна.

– Папа! Завтра пятое снижение будет. Рабочим – 250, остальным – половина ...

– Ляля! Это что ж, страшнее, чем в Гражданскую?

– Страшнее, папа!» [49, с. 84].

С каждым днём все длиннее становился путь от дома до Радиокомитета. Всё сложнее было просыпаться в промерзшей комнате, всё страшнее идти под обстрелом. Донимал холод. Очень хотелось есть. Каждый день О.Ф. Берггольц видела страшные хлебные очереди, которые в основном состояли из женщин, закутанных в необъятные платки, с изможденными и почти одинаковыми лицами. Стоит остановиться на мнении О. Лебиной, указывающей, что все эти женщины превратились в единый образ, для которого О.Ф. Берггольц хотелось найти имя и отчество. Такая отзывчивая русская женщина воспринималась доброй соседкой и стала называться Дарьей Власьевной [43, с. 125]:

Вот мы прожили почти полгода,
 полтора ста суток длится бой.
 Тяжелы страдания народа –
 наши, Дарья Власьевна, с тобой.
 О, ночное воющее небо,
 дрожь земли, обвал невдалеке,
 бедный ленинградский ломтик хлеба –
 он почти не весит на руке...

«Разговор с соседкой», 1941 [51, с. 460].

Так рождалось стихотворение «Разговор с соседкой» (1941), в котором Дарья Власьевна, проходя свой тернистый путь по блокадному городу, восходит к вершине славы, увенчанной памятником из нержавеющей стали:

А тебе – да ведь тебе ж поставят
 памятник на площади большой.
 Нержавеющей, бессмертной сталью
 облик твой запечатлят простой.

Вот такой же: исхудавшей, смелой,
 в наскоро повязанном платке,
 вот такой, когда под артобстрелом
 ты идёшь с кошелкою в руке.

«Разговор с соседкой», 1941 [51, с. 461].

А. Каратеев отмечает, что Ольге Берггольц уже тогда было необходимо знать, что эти скромные честные блокадники не будут забыты. Так, боясь грядущего забвения, поэт возносит их на постаменты памятников [37, с. 212].

29 декабря О.Ф. Берггольц читала по радио «Второе письмо на Каму», которое, как и «Первое», было адресовано маме [31, с. 183]:

Ленинград в декабре, Ленинград в декабре!
 О, как ставенки стонут на тёмной заре,

как угрюмо твоё ледяное жильё,
как врагами изранено тело твоё...
Мама, Родина светлая, из-за кольца
ты твердишь:

«Ежечасно гордимся тобой».

Да, мы вновь не отводим от смерти лица,
принимаем голодный и медленный бой.

«Второе письмо на Каму», 1941 [51, с. 462].

Рассматривая историю «Писем на Каму», А. Данилов утверждает, что во «Втором письме на Каму» набирает силы, поднимается ввысь голос поэтессы [31, с. 184]:

О, какая отрада,
какая великая гордость
знать, что в будущем каждому скажешь в ответ:
– Я жила в Ленинграде
в декабре сорок первого года,
вместе с ним принимала
известия первых побед.
...Нет, не вышло второе письмо
на далёкую Каму.
Это гимн ленинградцам – опухшим,
упрямым, родным.
Я отправлю от имени их
за кольцо телеграмму:
«Живы. Выдержим. Победим!».

«Второе письмо на Каму», 1941 [51, с. 463].

Военный историк Дэвид Гланц свидетельствует, что в Ленинграде в январе 1942 года на 36 часов остановилась электростанция, следующие три дня не работали хлебозаводы. Ни один человек не получил ни грамма хлеба, хотя 24 января его норму увеличили [28, с. 109]. Но эта прибавка уже ничем

не могла помочь Николаю Молчанову. Начальник госпиталя, в котором находился муж Ольги Берггольц, сказал, что у Николая Степановича последняя необратимая стадия дистрофии [82, с. 35].

О.М. Оконеvская приводит следующий факт, отразившийся в творчестве Ольги Берггольц: «Однажды вечером Ольге Берггольц позвонил врач: "Он умер сразу же после вашего ухода. Если хотите похоронить его отдельно, мы поможем найти: он в самом низу, а за это время мы наложили трупов до самого верха". На что О.Ф. Берггольц ответила: "Он умер, как солдат, и пусть будет похоронен, как ленинградский солдат, в братской могиле"» [цит. по: 49, с. 93]. Ольга Берггольц пишет стихотворение на смерть любимого супруга «29 января 1942»:

Ничьих забот, ничьей любви не надо.
Теперь одно всего нужнее мне:
над братскою могилой Ленинграда
в молчании стоять оцепенев.

И разве для меня победы будут?
В чём утешение себе найду?!
Пускай меня оставят и забудут.
Я буду жить одна – везде и всюду
в твоём последнем пасмурном бреду...

«29 января 1942», 1942 [51, с. 464].

Стоит остановиться на заключении Л.А. Аннинского: «О.Ф. Берггольц поняла, что любовь не умирает вместе с ушедшим, а превращается в любовь-память и любовь-силу, которая будет жить в ней и заставит жить её» [цит. по 2, с. 211].

В статье «Ольга Берггольц: "Я... Ленинградская вдова"» Лев Аннинский приводит следующий факт из жизни поэтессы: «Двое суток после гибели Николая Молчанова у Берггольц продолжалось состояние полубреда. Она что-то шептала и вскрикивала. Страшные вопросы жизни воплощались в

риторические вопросы стихотворных строк. И вдруг, как зов жизни, как последний наказ умершего – властный союз «но», который противится смерти» [цит. по: 2, с. 215]:

Но ты хотел, чтоб я живых любила.
 Но ты хотел, чтоб я жила. Жила
 всей человеческой и женской силой.
 Чтоб всю её истратила дотла.
 На песни. На пустячные желанья.
 На страсть и ревность – пусть придет другой.
 На радость. На тягчайшие страданья
 с единственной русской землей.

«29 января 1942», 1942 [51, с. 465].

Добавим, что никогда уже Ольгу Берггольц не покинет ощущение вдовства. Достоверность этих слов подтверждают строки из стихотворения «В доме Павлова» (1952):

В твой день мело, как десять лет назад.
 Была метель такой же, как в блокаду.
 До сумерек, без цели, наугад
 бродила я одна по Сталинграду.

До сумерек – до часа твоего.
 Я даже счастьем не отдам его.

Но где сказать, что нынче десять лет,
 как ты погиб?..

«В доме Павлова», 1952 [16, с. 300].

Можно заметить, что лирика военных лет в обобщенном виде отражает мучительные переживания О.Ф. Берггольц, связанные с трагедией всего народа.

2.2. Патриотическая направленность произведений О.Ф. Берггольц «Февральский дневник» (1942), «Ленинградская поэма» (1942)

Лирические произведения О.Ф. Берггольц о войне подготовили почву для создания поэм. Так, в период с 1942 по 1945 гг. О.Ф. Берггольц напишет несколько лиро-эпических произведений, имеющих патриотическую направленность.

В феврале 1942 года Ольга Берггольц напишет свою первую поэму – «Февральский дневник». М.Ф. Пьяных в своей работе «Ради жизни на земле: "Русская советская поэзия о Великой Отечественной войне"» рассматривает историю создания поэмы «Февральский дневник». Говоря словами М.Ф. Пьяных, «у Я. Бабушкина и Г. Макогоненко родился план поручить Ольге Берггольц срочную и ответственную работу: решили просить её написать поэму о блокаде, о сражающемся городе. Время подсказывало дату: поэма о Ленинграде должна быть написана ко Дню Красной армии. Друзья Берггольц понимали, что единственное спасение поэта – в творчестве. Ольга Берггольц, начиная жить ею, и сама оживала» [61, с. 124].

Поэма начинается с эпизода прихода подруги после похорон «единственного друга» и сразу набирает силу общечеловеческого звучания:

Был день как день.
Ко мне пришла подруга,
не плача, рассказала, что вчера
единственного схоронила друга,
и мы молчали с нею до утра.

Какие ж я могла найти слова,
я тоже – ленинградская вдова.

«Февральский дневник», 1942 [51, с. 466].

Так и пойдут они рядом: судьба подруги, судьба поэта и судьба города, сливаясь в целое, имя которому – блокада.

Вот они делят пополам горе бессловесно и бесслезно, когда слышно только биение сердец в унисон с метрономом:

Мы съели хлеб,
что был отложен на день,
в один платок закутались вдвоём,
и тихо-тихо стало в Ленинграде.
Один, стуча, трудился метроном...

«Февральский дневник», 1942 [51, с. 466].

Освещенные почти невидимым, больше внутренним светом, они, «когда немного посветлело небо», находят в себе силы встать и выйти в город «за водой и хлебом».

Рассматривая особенности военной лирики О.Ф. Берггольц, Л.А. Аннинский указывает на то, что идёт только первая блокадная зима, а причастия в поэме употреблены в прошедшем времени: «вынесший», «глядевший». Создаётся впечатление, что настоящее уже в прошлом, а впереди только победа [3, с. 191].

Необходимо отметить, что в этот период впервые в поэзии О.Ф. Берггольц возникает мысль о славе, которая конкретизируется – это и Родина, и память, и прообраз памятника [49, 104]:

И, крылья мечевидные расправив,
над нами встанет бронзовая Слава,
держа венки в обугленных руках.

«Февральский дневник», 1942 [51, с. 472].

Два десятилетия отделяют поэму от надписи на Пискаревском кладбище. Н.А. Прозорова отмечает, что истоки строк «Никто не забыт, и ничто не забыто» в поэме «Февральский дневник» [71, с. 261].

В марте 1942 года О.Ф. Берггольц вылетела в Москву. Из письма Г. Макогоненко от 8/III-42: «Знаешь, свет, тепло, ванна, харчи – всё это отлично, но как объяснить тебе, что это ещё вовсе не жизнь – это СУММА удобств. Существовать, конечно, можно, но ЖИТЬ – нельзя. И нельзя жить именно после ленинградского быта, который есть бытие, обнаженное, грозное, почти освобожденное от разной шелухи» [51, с. 202].

В Москве в выступлении по радио О.Ф. Берггольц не разрешают даже упомянуть о голоде, а стихи на тему блокады запрещают совсем [3, с. 193].

В декабре 1942 года подписан в печать первый блокадный сборник О.Ф. Берггольц «Ленинградская поэма». Название сборнику дает написанная летом «Ленинградская поэма» (1942), которая вмещает в себя весь Ленинград с его болью, утратами, а также мужеством и подвигом. А. Блюм отмечает, что «Ленинградская поэма» – это гимн ленинградскому хлебу и братству [20]. По наблюдениям К. Ходжсон, как и большинство произведений Берггольц, эта поэма автобиографична. Поэт не прячется за придуманным образом лирической героини, а, пропуская блокаду через себя, ведёт повествование от собственного имени [74, с. 102]. Таким образом, можно заключить, что «Я» у поэтессы – это всегда я, Берггольц, а не чей-то обобщённый образ.

Поэма начинается мрачной сценой просьбы женщины, которая теряет ребенка:

Я как рубеж запомню вечер:
декабрь, безогненная мгла,
я хлеб в руке домой несла,
и вдруг соседка мне навстречу.
«Сменяй на платье, – говорит, –
менять не хочешь – дай по дружбе.
Десятый день, как дочь лежит.
Не хороню. Ей гробик нужен.
Его за хлеб сколотят нам.

Отдай. Ведь ты сама рожала...»
 И я сказала: «Не отдам».
 И бедный ломоть крепче сжала.
 «Отдай, – она просила, – ты
 сама ребёнка хоронила.
 Я принесла тогда цветы,
 чтоб ты украсила могилу».

«Ленинградская поэма», 1942 [51, с. 473].

Женщин разъединил кусок хлеба, превратившийся в единственную
 возможность достойных похорон:

И, одержимая, она
 молила долго, горько, робко.
 И сил хватило у меня
 не уступить мой хлеб на гробик.

«Ленинградская поэма», 1942 [51, с. 473].

Однако О.Ф. Берггольц протягивает руку помощи женщине:

И сил хватило – привести
 её к себе, шепнув угрюмо:
 «На, съешь кусочек, съешь... прости!
 Мне для живых не жаль – не думай».
 ...Прожив декабрь, январь, февраль,
 я повторяю с дрожью счастья:
 мне ничего живым не жаль –
 ни слёз, ни радости, ни страсти.

«Ленинградская поэма», 1942 [51, с. 473].

Поэма начинается смертью ребенка, далее наполняется эпизодами
 борьбы города и фронта, новой гибелью командира Семена Потапова.
 В пяти главах поэмы говорится о блокаде Ленинграда, а в шестой,
 заключительной, – о совершенно реальном будущем города на Неве. По
 мнению К. Ходжсон, в «Ленинградской поэме» раскрывается тема памяти,
 которая в дальнейшем выльется в решительное: «Не дам забыть!» [75, с. 115].

А.И. Павловский считает, что на краю гибели О.Ф. Берггольц создает едва ли не единственную в советской поэзии периода Великой Отечественной войны «колыбельную» [54, с. 182]. Известно, что ребёнок всегда являлся антиподом войны. Однако О.Ф. Берггольц не просто пишет о ребёнке, а создает колыбельную ещё не родившемуся человеку. Таким образом, «колыбельная» О.Ф. Берггольц воспринимается как гимн будущему.

Начавшаяся словами о смерти, поэма вырастает в могучее дерево жизни и заканчивается победоносным:

Здравствуй, сын мой,
жизнь моя,
награда,
здравствуй, победившая любовь!

«Ленинградская поэма», 1942 [51, с. 476].

Необходимо остановить внимание на том факте, что дружеские отношения у Ольги Берггольц установились с Георгием Макогоненко, который поддерживал поэтессу в трудные для неё дни борьбы за жизнь Николая Молчанова. Данное событие также является ключевым для понимания автобиографических истоков лирики поэта. В поэме «Твой путь» (1945) О.Ф. Берггольц так напишет о Г.П. Макогоненко:

Ты просто мне глоток воды горячей
давал с утра,
и хлеба,
и тетрадь
и заставлял писать для передачи:
ты просто не давал мне умирать...

«Твой путь», 1945 [51, с. 485].

Как свидетельствует биограф О.М. Оконеvская, Ольге Берггольц тяжело было разобраться в собственных чувствах. Она не могла отвергнуть протянутую руку помощи. В одном из писем к матери О.Ф. Берггольц пишет: «... Я дала согласие Юре, чтоб называться его женой, и так сказать людям. Так, пожалуй, действительно лучше, хоть в душе я – не жена его, а всё – Колина вдова» [51, с. 225].

Данное событие найдет отклик в стихотворении:

Взял неласковую, угрюмую,
с бредом каторжным, с тёмной думою,
с незажившей тоскою вдовьей,
с непрошедшей старой любовью,
не на радость взял за себя,
не по воле взял, а любя.

«Стихи о любви», 1942 [51, с. 498].

«Ленинградская поэма» была напечатана в июле 1942 г. в «Ленинградской правде». Отметим, что строки: «Да, мы не скроем: в эти дни / мы ели клей, потом ремни» – вычёркивались цензурой.

Читатели очень тепло отзывались о поэме. К Ольге Берггольц шли их благодарные письма. В одном из писем было написано: «Мы со словами Ваших стихов идём в бой» [49, с. 135].

Д. Гланц в работе «Битва за Ленинград. 1941-1945» отмечает, что гитлеровцы продолжали обстреливать город, чтобы вывести из строя промышленные предприятия, жилые дома, транспортные магистрали, и самое главное – нервную систему жителей. Однако ленинградцы отвечали мужеством, проявляли стойкость: восстанавливали цеха завода «Электросила», водили трамваи, выпекали хлеб, а также в типографии печатали не только продуктовые карточки, но и газеты, журналы и брошюры [28, с. 338]. В холодные январские дни в типографию, по которой немцы били с особой силой, приходила Ольга Берггольц, где печатался её первый блокадный сборник [7, с. 87].

Обращает на себя внимание тот факт, что в ночь с 17 на 18 января 1943 года работники Радиокomiteта не расходились в ожидании вестей с Невской Дубровки. И наконец-то, советские войска прорвали блокаду. Рассказать об этом ленинградцам поручили О.Ф. Берггольц. Затих метроном, и из репродукторов послышался голос поэтессы: «– Говорит Ленинград... Говорит Ленинград! Ленинградцы, дорогие соратники, товарищи, друзья! Блокада прорвана! [64, с. 223].

В книге «Говорит Ленинград» О.Ф. Берггольц написала так об этом событии: «И в воспоминание об этой светлой ночи обязательно вплетается радио, которое пело и говорило первый раз до самой зари, и весь мир слышал, как говорит Ленинград...» [цит. по: 13, с. 272].

Многими исследователями творчества поэтессы отмечается, что вопреки всем жизненным трудностям Ольга Берггольц очень много работала. Её творческие силы воплощались в новые замыслы, поэтические чувства, стихи. Весной 1943 года родилось много стихов:

Мне в городе, годами осажденном,
в том городе, откуда нет путей,
все видится простор освобождённый
в бескрайней, дикой, русской красоте.
Мне в городе, где нет зверей домашних,
ни голубей – хотя б в одном окне, –
мерещатся грачи на рыжих пашнях
и дед Мазай с зайчатами в челне.

«Ты слышишь ли? Живой и влажный ветер...», 1943 [16, с. 225].

Примечательны слова Н. Гранцевой: «Этот период своей жизни Ольга Берггольц называла "своей болдинской весной сорок третьего"» [30]. Весна 1943 года подарила О.Ф. Берггольц второй сборник под названием «Ленинградская тетрадь». В журналах «Октябрь» и «Новый мир» были напечатаны статьи, посвящённые творчеству блокадного поэта. Юрий Данилин, автор одной из статей отмечал: «Ленинград нашёл в лице Ольги Берггольц искреннего и сильного художника одной из величайших эпох своей истории <...> Поэмы Берггольц – это не только «поэзия осажденного города», но прежде всего – замечательный документ советской поэзии вообще» [80, с. 118].

Отметим, что главным лирическим героем произведений периода блокады Ленинграда всегда был город и его жители.

О. Берггольц совместно с Г. Макогоненко работала над пьесой «Рождены в Ленинграде» (1944). Очень точное название пьесы, ведь рождены в Ленинграде не только появившиеся здесь на свет, но и те, кто закалил здесь свою душу и характер, кто обрел здесь человеческое достоинство. По утверждению Е.С. Роговер, в этой пьесе ничего не придумано, все взято из жизни и ее страшных мелочей [63, с. 25]. Анализируя пьесу, О.С. Шурупова отмечает, что в произведении сочетаются признаки всех родов литературы. Пьеса пронизана поэзией юности, бескорыстия, любви и поэзией самой поэзии: стихов и песен [82, с. 26].

В целом блокадная лирика О.Ф. Берггольц раскрывает мужество и героизм тех, выстоял, является примером самоотверженного служения поэта народу и Отечеству.

2.3. Образ Родины в произведениях О.Ф. Берггольц 1943-1945 годов

До полного снятия блокады Ленинграда оставалось 27 дней. Перед наступлением О.Ф. Берггольц написала:

Но не кубок с вином, а сердце
подняла б я над головой
за солдат и за офицеров
наших Армий, идущих в бой.
Всю бы жизнь свою подняла я –
осуши её всю – до дна, –
за победу твою и славу,
дорогая моя страна
«Но не кубок», 1944 [16, с. 200].

Как свидетельствует В.В. Бешанов, наступление советской армии началось 14 января 1944 года, а 24 января немецкая армия была выбита из

Пушкина [19, с. 479]. Стоит обратить внимание на то, что на следующий день Ольга Берггольц приезжает в освобождённый город, в котором не осталось ни одного жителя. По дороге в Ленинград О.Ф. Берггольц записывает строки стихотворения «Возвращение» (1944):

Как страшно здесь!
 Печальней и пустынной
 селения, наверно, в мире нет...
 И вдруг в душе, в её немых глубинах
 опять звучит надменно и светло:
 «Все те же мы: нам целый мир
 чужбина,
 Отечество нам Царское Село».

«Возвращение», 1944 [16, с. 262].

В поэтической биографии О.Ф. Берггольц есть такой факт: 15 января 1944 года в бою за снятие блокады Ленинграда погиб двадцатилетний гвардеец Владимир Нонин. Его сестра обратилась с просьбой к Ольге Берггольц: написать стихотворение о погибшем брате. Этот трагический эпизод ложится в основу поэмы «Памяти защитников» (1944).

Она просила только: – Напишите
 не для того, чтобы его прославить,
 но чтоб над ним могли чужие плакать
 со мной и мамой, – точно о родном...

«Памяти защитников», 1944 [10, с. 96].

В связи с этим интересно воспоминание О.М. Оконевской: «Увидев фотографию Владимира, О.Ф. Берггольц была удивлена его внешнему сходству с Николаем Молчановым» [49, с. 130]. Эти впечатления и составляют основу переживаний лирической героини:

– Вот мальчик наш,
 Мой младший брат Володя... –
 И я безмолвно ахнула: с портрета

Глядели на меня твои глаза.
 Не те, уже обугленные смертью,
 Не те, безумья полные и муки,
 Но те, которыми глядел мне в сердце
 В дни юности, тринадцать лет назад.

«Памяти защитников», 1944 [10, с. 96].

По утверждению О.М. Оконева, Ольга Берггольц поняла, что не написать она не может [49, с. 130]. Так, в апреле 1944 года была закончена поэма «Памяти защитников».

Строки первой части поэмы не поддавались традиционной рифме – были написаны белым стихом. В поэме говорится о неизбежности гибели человека на войне.

Ольга Берггольц знает фамилию и историю этого человека, видит перед собой его портрет, однако сначала оставляет безымянным. Потом Берггольц дает ему имя по тому главному, что отличало его от живых и мёртвых однополчан:

Всегда находился в такое мгновенье
 один безымянный, Сумевший Подняться [10, с. 97].

«Сумевший подняться» – это теперь и имя, и фамилия, и отчество, а также первая ступень к восхождению.

По словам Е. Евтушенко, Ольга Берггольц сама была именно такой – Сумевшей Подняться. Надо всеми личными несчастьями и неизгладимыми обидами. Над безвременной гибелью двух любимых ею мужчин. Над потерей всех троих своих детей. Над издевательствами в тюрьме. Над растоптанным сапогами романтизмом. Над одиночеством [2, с. 219].

Рассматривая военную лирику поэта, А. Данилов указывает на то, что в декабре 1941 года во «Втором письме на Каму» О.Ф. Берггольц создала «гимн ленинградцам – опухшим, упрямым, родным». В 1944 году закончилась блокада Ленинграда, и пришло время оплакивать их. «Плач о нашем брате, / брате всех живущих на земле...» вылился в реквием [31, с. 184]:

Знаю: утешеньем и отрадой
 этим строчкам быть не суждено.
 Павшим с честью – ничего не надо,
 утешать утративших грешно.

«Памяти защитников», 1944 [10, с. 99].

«Памяти защитников» (1944) – это последняя блокадная поэма Ольги Берггольц. В 1944 году также выйдет ее последний блокадный сборник под названием «Ленинградский дневник». Многими исследователями творчества О.Ф. Берггольц отмечается, что это действительно своего рода дневник, в котором все датировано и размещено по годам-разделам: «Осень 1941 года», «Зима 1941/1943 года», «Поэмы», «Лето – осень 1942 года», «1943-1944 годы».

Добавим, что названия блокадных сборников О.Ф. Берггольц указывают и на истоки, и на главного адресата её поэтического творчества.

В 1945 год Ольга Берггольц пишет свою последнюю военную поэму под названием «Твой путь». Произведение посвящено воскрешению души. Рассматривая военный период творчества О.Ф. Берггольц, М.Ф. Пьяных останавливает внимание на том, что «Твой путь» – самая сильная поэма поэтессы, впитавшая в себя все прочувствованное и выстраданное [61, с. 199].

Биограф поэта О.М. Оконеvская указывает, что с названием поэмы О.Ф. Берггольц определилась не сразу. В этом произведении, как признавалась поэтесса, в одном из ее вариантов, «сплывала печаль я / с подспудной жаждой счастья и любви, / и песнь моя над кладбищем звучала / призывом к жизни, клятвой на крови» [49, с. 155]. Так, с одной стороны, в названии должно было присутствовать глубоко личное начало, а с другой – общечеловеческое: «Твое воскресение», «Твоя Победа» и, наконец, «Твой путь».

«Твой путь» – это путь каждого ленинградца, защитника города, и собственный путь поэта: от безоблачного счастья юности до жесткого расцвета» в военные годы.

В преддверии Победы над немецкой армией Ольга Берггольц подытожит:

И ясно мне судьбы моей веленье:
своим стихом на много лет вперед
я к твоему пригвождена виденью,
я вмерзла
в твой неповторимый лед.

«Твой путь», 1945 [10, с. 106].

Так, С. Завьялов подчеркивает: «В поэме уместилось все: горькая память о погибших, высокое слово о подвиге города и Радиокomiteта, осознание выполненного долга» [34].

Произведение наполнено воспоминаниями о довоенной жизни О.Ф. Берггольц – о совместном с Николаем Молчановым пути восхождения на вершину Мамисонского перевала и на вершины счастья:

Мы так тогда прекрасны были оба,
Так молодцы, бесстрашны и сильны... [51, с. 482]

Также в поэму вошли слова благодарности и любви к Г.П. Макогоненко.

По мнению О.М. Оконеvской, в поэме все «превратилось вдруг в воспоминанье». Здесь всё на пределе: и предел страдания, и предел любви, и предел обнажения души перед собой и читателем – то самовыражение, которым будут попрекать О.Ф. Берггольц после войны [49, с. 156]. «Твой путь» считается самым исповедальным произведением О. Берггольц.

По представлению Н.А. Прозоровой, в поэме любовь родилась на войне, вопреки ей, и война перед нею бессильна [71, с. 263]. Достоверность этих слов подтверждают строки:

Что может враг? Разрушить и убить.
И только-то?

А я могу любить,
а мне не счесть души моей богатства,
а я затем хочу и буду жить,
чтоб всю её,
как дань людскому братству,
на жертвенник всемирный положить.
«Твой путь», 1945 [51, с. 492].

Таким образом, можно сделать вывод, что Ольга Берггольц прожила не только 872 блокадных дня вместе с осажденным городом, но и ещё двенадцать раз по 872 дня. Для О.Ф. Берггольц блокада не закончилась 27 января 1944 года. В душе и памяти поэта она продолжалась более 30 лет. Ольге Берггольц казалось, что она ещё не всё сказала, не в полную меру воздала должное людям, городу и стране. До последней минуты своей жизни поэтесса обращалась мысленно к тем, с кем пережила самое трудное время. «Никто не забыт и ничто не забыто» – это главная мысль каждого произведения О.Ф. Берггольц о войне. Однако многим казалось, что слава её непомерна, что талант её сильно преувеличен, что она эксплуатирует одну тему – конъюнктурно-патриотическую.

Произведения, написанные в военный период, вобрали все прочувствованное и выстраданное Ольгой Берггольц. Большинство произведений О.Ф. Берггольц этого периода автобиографичны. Поэт не прячется за придуманным образом лирической героини, а, пропуская блокаду через себя, ведет повествование от собственного имени. «Я» у поэтессы – это всегда я, Берггольц, а не чей-то обобщенный образ. В поэмах и стихотворениях Ольги Берггольц всё взято из жизни и её страшных мелочей.

О.Ф. Берггольц смогла вернуть подлинное звучание таким словам, как «Родина», «верность», «мужество», «ненависть к врагу». Блокадники, слушая строки военных произведений О.Ф. Берггольц, ощущали животворящую силу слов, очищенных от пропагандистской «ржавчины».

Биограф поэта К. Ходжсон указывает, что Ольгу Берггольц не покидало ощущение узницы: «Петр Первый построил крепость, чтобы оборонять город. И она обороняла его и всю страну от Радищева, Рылеева, Грибоедова, Чернышевского, Достоевского, Горького. Совесть России – всегда ее узники. Все мы узники, хотя и победители» [74, с. 107]. Ещё в 1942 году О.Ф. Берггольц знала, что и после войны ничего не изменится. Это чувство уже тогда прочно вселилось в неё.

Ещё один факт, необходимый для понимания автобиографических истоков лирики О.Ф. Берггольц, приводит Дм. Хренков: «14 августа 1946 года вышло постановление оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград", затронувшее судьбы отдельных периодических изданий, а также способствовавшее исключению Анны Ахматовой и Михаила Зощенко из Союза писателей СССР [77, с. 156].

22 августа 1946 года «Ленинградская правда» объединила фамилии Берггольц и Ахматовой, опубликовав резолюцию писательского собрания, отметившего Ольгу Берггольц среди тех, кто раздувал авторитет Зощенко и Ахматовой.

Об этом событии в автобиографии Ольга Берггольц напишет: «... Так как я не "разоблачила" Ахматову, меня отовсюду повыгоняли – из Правления, из редсовета издательства, выступление моё по поводу постановления на решающем собрании – ленинградская печать признала "неправильным", "несамокритичным" и т.п., и т.п., мою книгу "Избранное", включенную в "Золотую серию" к 30-летию Октябрьской революции, ленинградский союз с восторгом вычеркнул из списка» [12].

В 1970-х гг. О.Ф. Берггольц напишет цикл стихотворений, посвященный Анне Ахматовой:

...Что же мне подарила она?

Свою нерекламную твердость.

Окаяннейшую свою,

молчаливую гордость.

Волю – не обижаться на тех,
кто желает обидеть.

Волю – видеть до рези в глазах,
и всё-таки видеть.

Волю – тихо, своею рукой задушить
подступившее к сердцу отчаянье.

Волю – к чистому, звонкому слову.

И грозную волю – к молчанию.

Из цикла «Анне Ахматовой», 1970 [51, с. 530].

Стоит остановиться на мнении Е.П. Прониной, указывающей, что Ольге Берггольц начинает казаться, что ей уже никогда не взойти на ту вершину творчества, которая открылась ей в блокаду. О.Ф. Берггольц пишет стихотворение, в котором вновь звучит тема блокадной памяти:

Я никогда не напишу такого.
В той потрясенной, вещи немоте
ко мне тогда само являлось слово
в нагой и неподкупной чистоте.

«Я никогда не напишу такого...», 1946 [16, с. 266].

В 1940 году О.Ф. Берггольц начинает работу над своей самой исповедальной книгой «Дневные звёзды», замысел которой возник в 1937 году. В одном из дневников Ольга Берггольц запишет: «Мне хочется создать мучительную книгу – мучительную по радости и скорби, где как-то освоить, передать это томление от преходящести жизни, и радость жизни, и грусть ее...» [22, с. 300].

По мнению Г. Бровмана, «Дневные звезды» – это книга-память и книга-памятник [там же, с. 306]. В книге показано беззаботное детство поэтессы, озаренная идеями юность, блокадный ад и пути возврата из него: «Я раскрыла перед вами душу, как створки колодца, со всем его сумраком и

светом. Загляните же в него! И если вы увидите хоть часть себя, хоть часть своего пути – значит, вы увидели дневные звёзды, значит, они зажглись во мне, они будут все разгораться в Главной книге, которая всегда впереди, которую мы с вами пишем непрерывно и неустанно...» [15, с. 157].

Во время работы над «Дневными звёздами» О.Ф. Берггольц создавала главный реквием Ленинграда – надпись на стеле Пискаревского мемориального кладбища. Для этого у неё уже был как блокадный, так жизненный и профессиональный опыт. В это же время О.Ф. Берггольц пишет строки, которые несомненно останутся на века:

Здесь лежат ленинградцы.

Здесь горожане – мужчины, женщины, дети.

Рядом с ними солдаты-красноармейцы.

Всею жизнью своею

они защищали тебя, Ленинград,

колыбель революции.

Их имен благородных мы здесь перечислить не сможем,
так их много под вечной охраной гранита.

Но знай, внимающий этим камням,
никто не забыт и ничто не забыто.

«Здесь лежат ленинградцы», 1956 [51, с. 521].

Биограф О.М. Оконеvская свидетельствует, что О.Ф. Берггольц не включала эти стихи ни в один из прижизненных сборников, считая, что единственное место их публикации «на этом печально-торжественном поле» [49, с. 188].

Рассматривая творчество О.Ф. Берггольц, Ю.А. Светашова подчеркивает: «Своей главной книгой О.Ф. Берггольц считала «Дневные звёзды», а Главным делом своей жизни – эпитафию на Пискаревском кладбище» [66, с. 52].

По мнению многих исследователей творчества поэта, в 1965 году Ольга Берггольц выпускает свой лучший поэтический сборник «Узел», который посвящен Николаю Молчанову. Ещё в 1942 году, в год его смерти, она мечтала посвятить ему книгу стихов.

Рассматривая последний прижизненный сборник поэтессы, Т.М. Горяева указывает, что «Узел» – это память не только о Николае Степановиче, погибшем в январе 1942 года, но и о Николае Степановиче, выстоявшем и не погибшем духовно в 1938 году, когда в ответ на требование признать арестованную Берггольц «врагом народа» он сказал: «Это недостойно мужчины», – положил на стол комсомольский билет и вышел [29, с. 486].

Большая часть цикла «Испытание», вошедшего в сборник – это впервые опубликованные стихотворения:

Не утаю от Тебя печали,
 Так же как радости не утаю.
 Сердце свое раскрываю вначале,
 Как достоверную повесть Твою.

«Не утаю от тебя печали...», 1937 [16, с. 209].

Заметим, что у Ольги Берггольц, как и у Александра Блока, «Ты» – это Родина, и так же – с большой буквы. Говоря словами О.М. Оконеvской, «"Узел" связал воедино годы репрессий и реабилитаций. Это памятник мученикам ГУЛАГов и друзьям поэта – Борису Корнилову, Ирэне Гурской и Маргарите Коршуновой» [49, с. 195].

Еще в тюремном заключении О.Ф. Берггольц знала, что ею будет «никто не забыт и ничто не забыто»: «На асфальт расплавленный похожа / память ненасытная моя...» [16, с. 301]. Ольга Берггольц знала: «Лучше б мне беспамятство, чем память...» и выбрала память. Два начала живут в поэтическом сборнике «Узел»: «Не дам забыть!» и «Молчание душу измучит мне, и лжи заржавеет печать...».

Несмотря на то, что выпало на долю Ольги Берггольц, в ее стихотворениях часто встречается слово «счастье». В поэме «Твой путь» Берггольц пишет: «Я счастлива». Счастлива она тем, что «рядовым вошла в судьбу твою, / мой город, в званье твоего поэта» [51, с. 489].

«Я даже гибели своей не уступлю / за ваше принудительное счастье...» – ответит О.Ф. Берггольц тем, кто в 1949 году устроит очередную облаву на писателей.

«Узел» – это последняя прижизненная книга стихотворений О.Ф. Берггольц, которая вобрала в себя всю зрелую жизнь поэтессы, весь её выстраданный жизненный опыт с 1937 по 1962 годы.

Сборник одним узлом связал страницы жизни и разделы книги – «Испытание» и «Память». У Е.Н. Прониной мы находим следующий комментарий к сборнику «Узел»: «Своего рода это реквием по всему ненаписанному, по умершим друзьям, по ещё пока живой, но уже утраченной и ушедшей любви. Это «последний поклон» Молчанову, Корнилову и Макогоненко» [58, с. 20].

В письме к А. Твардовскому Берггольц писала: «"Узел" – органическая часть второй книги "Дневных звёзд"» [49, с. 195]. Так, анализируя книгу «Дневные звёзды», В.Ю. Баймиева подчёркивает, что чем больше Ольга Берггольц работала над ними, тем яснее ей становилось, что всё сказать не дадут. Она понимала, что не пройти сквозь цензуру ни сцене в тюремной больнице, ни рассказу о причине высылки отца из блокадного Ленинграда, ни всему, что так просится на волю. «Узел» – это ещё и памятник погасшим «Дневным звездам», тому, что не могло дожить от замысла до воплощения [6, с. 16].

О.Ф. Берггольц дописывала «Дневные звёзды» уже одна, в трудную пору «бабьего лета», когда рассталась с Г.П. Макогоненко. Это была сложная любовь, которая родилась в тяжёлое для них обоих время. Георгий Макогоненко знал, что никогда не сможет заполнить собою душу Ольги Берггольц. Однако Ольге Берггольц мучительно было прощаться с любовью к Макогоненко. Разрыв с Георгием Макогоненко найдет отражение в стихотворении «Бабье лето» (1956, 1960):

Вот видишь – проходит пора звездопада,
и, кажется, время навек разлучаться...
...А я лишь теперь понимаю, как надо
любить, и жалеть, и прощать, и прощаться.

«Бабье лето», 1956, 1960 [51, с. 522].

Ощущением уходящего счастья пронизано стихотворение «Я всё оставляю тебе при уходе» (1956, 1960):

А я забираю с собою все слезы,
все наши утраты,
удары,
угрозы,
все наши смятенья,
все наши дерзання,
нелегкое наше большое мужанье,
не спетый над дочкой
напев колыбельный,
задуманный ночью военной, метельной,
неспетый напев – ты его не услышишь,
он только со мною – ни громче, ни тише...

«Я всё оставляю тебе при уходе», 1956, 1960 [51, с. 526]

Жить О.Ф. Берггольц оставалось еще пять с половиной лет. По утверждению Дм. Хренкова, эти годы были непростыми в её жизни, ведь внутри неё сломалась та пружина, на которой всё держалось. Ольга Берггольц все больше уходила в себя [78, 291].

Умерла Ольга Берггольц 13 ноября 1975 года. Как свидетельствует О.М. Оконеvская, самые последние стихи О.Ф. Берггольц – «Родине» [49, с. 209]:

За то, что верила словам Твоим,
жила, бесстрашно душу расточая,

я нынче гибну с именем Твоим,
не разлюбив и не прощая.

А уж путь поколения
вот как прост –

внимательно погляди:

позади – кресты.

Кругом – погост.

И еще кресты – впереди [49, с. 209].

Таким образом, послевоенные годы оказались сложным испытанием для жизни, творчества и славы О.Ф. Берггольц. Несмотря на то, что война закончилась, Ольга Берггольц всё равно возвращается к военной теме. Так, в 1946 году она начинает работу над пьесой «Верность», в которой трагедия Севастополя была воспринята Берггольц через трагедию Ленинграда и свою собственную. Блокадный жизненный опыт помог О.Ф. Берггольц в создании эпитафии на стеле Пискаревского мемориального кладбища.

Последний прижизненный сборник стихотворений Ольги Берггольц под названием «Узел» (1965) вбирает всю зрелую жизнь поэтессы, весь её выстраданный жизненный опыт в период с 1937 по 1962 годы. В целом, результаты проведенной работы дают основание утверждать, что все лирические произведения О.Ф. Берггольц имеют автобиографический характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творчество О.Ф. Берггольц занимает важное место в литературном процессе XX века. Современники так отзывались об О.Ф. Берггольц:

Вас в Ленинграде знает каждый.

Вписались вы в его пейзаж,

Как Медный Всадник, как Исакий,

Как Летний сад, Как Эрмитаж [49, с. 205].

Исследователи творчества поэтессы давно уже обратили внимание на то, что многие её лирические произведения внутренне объединены одним характером, одной судьбой, на которой ясно лежит отблеск судьбы самого автора, это трансформация реалий личного внешнего и внутреннего опыта, связанного с обстоятельствами жизни и получившего преломление в художественной образности произведений О.Ф. Берггольц.

В поэзии О.Ф. Берггольц 1930 годов. автобиографизм проявляется через воспоминания, через образы памяти. В большинстве лирических произведений заметно максимальное сокращение дистанции между автором и лирической героиней. Яркими примерами автобиографизма в лирике 1930-х гг. являются стихотворения, посвящённые умершим детям и Борису Корнилову («Память», «Аленушка», Борису Корнилову», «Два стихотворения дочерям»). Особое место занимают произведения, созданные в тюрьме («Испытание», «Возвращение»). Многими исследователями творчества О.Ф. Берггольц отмечается, что именно на этот период приходится расцвет творчества поэта. Тюрьма подготовила почву для блокадных произведений О.Ф. Берггольц. Обращение к автобиографическому началу позволило О.Ф. Берггольц показать истоки кризисного, разорванного сознания человека первой половины XX века.

Еще один этап личностной и творческой биографии О.Ф. Берггольц – 1940-е гг., период, отпечатавшийся в лирике поэтессы стихотворениями о

блокадном Ленинграде и в целом произведениями о Великой Отечественной войне. Говоря словами Александра Рубашкина, «война выбрала О.Ф. Берггольц, чтобы её стихами и её голосом говорить с Ленинградом» [64, с. 170]. Произведения, написанные в военный период, вобрали все прочувствованное и выстраданное О.Ф. Берггольц. Автобиографизм просматривается в таких произведениях, как «Разговор с соседкой», «Письма на Каму», «29 января 1942», «Февральский дневник», «Ленинградская поэма», «Твой путь», «Памяти защитников». Отметим, что лирическая героиня максимально близка поэтессе по мироощущению.

В лирике 1950-1970-х гг. также присутствует авторское начало, которое связано с попыткой понять современность с оценкой прошлых событий. Отметим, что послевоенные годы оказались сложным испытанием для Ольги Берггольц. Несмотря на то, что война закончилась, О.Ф. Берггольц всё равно возвращается к военной теме.

Особая концентрация автобиографизма прослеживается в любовной лирике О.Ф. Берггольц. Расставание с Г.П. Макогоненко и ощущение тотального одиночества нашли отражение в поэзии рассматриваемого периода («Бабье лето», «Перед разлукой»).

Добавим, что в 1959 году О.Ф. Берггольц заканчивает работу над поэмой в прозе «Дневные звёзды», в которой отражена вся жизнь поэтессы – от беззаботного детского рая до блокадного ада и пути возврата из него. В 1965 году выходит последний прижизненный сборник стихотворений Ольги Берггольц «Узел», вобравший факты зрелой жизни поэтессы с 1937 по 1962 годы. «Узел» – это реквием по всему ненаписанному О.Ф. Берггольц, по умершим друзьям, по уже утраченной и ушедшей любви.

Таким образом, результаты проведенной работы дают основание утверждать, что автобиографизм является главной особенностью лирики О.Ф. Берггольц.

Автобиографические истоки лирики Ольги Берггольц – это те события и факты, которые повлияли на мировоззрение поэтессы. Главными истоками лирики являются детство, смерть родных и близких людей, арест, тюремное заключение, Великая Отечественная война и послевоенная жизнь. Когда говорят, что О.Ф. Берггольц рано ушла из жизни – всего в 65 лет, биограф поэтессы О.М. Оконевская отмечает, что и этой муки ей было достаточно [49, с. 209].

Эти зачастую драматические и даже трагические страницы биографии, освещенные стойкостью и мужеством, ставшие отражением муки целой страны, несомненно, должны занять свое важное место в системе уроков литературы на разных ступенях образования школьников (см. приложение).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеєва, В. Жіночий простір: Феміністичний дискурс українського модернізму [Текст] / В. Агеєва. – К.: Факт, 2003. – 320 с.
2. Аннинский, Л.А. Ольга Берггольц: «Я... Ленинградская вдова» [Текст] / Л. Аннинский // Нева. – 2005. – № 6. – С. 210-222.
3. Аннинский, Л.А. Война. Женское лицо: Ольга Берггольц (1910-1975) и Маргарита Алигер (1915-1992), русские поэтессы [Текст] / Л. Аннинский // Дружба народов. – 2005. – № 5. – 186-207.
4. Аннинский, Л.А. Красный век: Эпоха и ее поэты [Текст] : в 2 кн. / Л.А. Аннинский. – М.: ПРОЗАИК, 2009. – Кн. 2: Засадный полк. Мальчики державы. – 463 с.
5. Арьев, А. Лицом к Ленинграду: к 75-летию со дня рождения О.Ф. Берггольц [Текст] / А. Арьев // Звезда. – 1985. – № 5. – С. 184-189.
6. Баймиева, В.Ю. Жанровое своеобразие книги О. Берггольц «Дневные звёзды» [Текст] / В.Ю. Баймиева // Вестн. Коми гос. пед. ин-та. – Сыктывкар, 2007. – Вып. 5. – С. 14-20.
7. Банк, Н.Б. Ольга Берггольц: критико-биографический очерк [Текст] / Н.Б. Банк. – М.; Л.: Сов. писатель, 1962. – 171 с.
8. Банк, Н.Б. «Здесь оставлено сердце мое...»: из воспоминаний об О.Ф. Берггольц [Текст] / Н.Б. Банк // Вопросы литературы. – 1985. – № 3. – С. 28-46.
9. Белокурова, С.П. Словарь литературоведческих терминов [Текст] / С.П. Белокурова. – СПб., 2007. – 320 с.
10. Берггольц, О.Ф. Поэмы [Текст] / О.Ф. Берггольц. – Л.: Лениздат, 1974. – 220 с.
11. Берггольц, О.Ф. Победоносное терпенье: письма к родным времен блокады Ленинграда [Текст] / О.Ф. Берггольц // Литературное обозрение. – 1979. – № 5. – С. 100-112.

12. Берггольц, О.Ф. Собрание сочинений [Текст]: в 3 т. / О.Ф. Берггольц; сост. М.Ф. Берггольц, редкол. Г. Горбовский и др.; вступ. ст. А. Павловского, примеч. Т. Головановой.
13. Берггольц, О.Ф. Дневные звёзды. Говорит Ленинград [Текст] / О.Ф. Берггольц; сост. М.Ф. Берггольц. – М.: Правда, 1990. – 480 с.
14. Берггольц, О.Ф. Из дневников [Текст] / О.Ф. Берггольц; вступ. ст., публ. и примеч. М.Ф. Берггольц // Звезда. – 1990. – № 5. – С. 180-191.
15. Берггольц, О.Ф. Встреча. Дневные звёзды. Часть I. Часть II. Главы, фрагменты. Письма, дневники, заметки, планы [Текст] / О.Ф. Берггольц; сост., авт. примеч. и коммент. М.Ф. Берггольц. – М.: Русская книга, 2000. – 336 с.
16. Берггольц, О.Ф. Прошлого нет: стихи, поэмы [Текст] / О.Ф. Берггольц; сост. М.Ф. Берггольц. – СПб.: Царское Село, 2003. – 349 с.
17. Берггольц, О.Ф. Дневниковые тетради 1923 года [Текст] / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.А. Прозоровой // «Так хочется мир обнять»: О.Ф. Берггольц: исслед. и публ.: [сб.]: к 100-летию со дня рождения. – СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2011. – С. 125-317.
18. Берггольц, М.Ф. О ГУЛАГе невидимом: К публикации фрагментов дневника Ольги Берггольц [Текст] / М.Ф. Берггольц // Апрель. – М., 1991. – Вып. 4. – С. 127-128.
19. Бешанов, В.В. Ленинградская оборона [Текст] / В.В. Бешанов. – М.: АСТ, 2005. – 480 с.
20. Блюм, А. Седьмая тетрадь. Ленинград блокадный. Блокадная тема в цензурной блокаде [Текст] / А. Блюм // Нева. – 2004. – № 1.
21. Большев, А.О. Исповедально-автобиографическое начало в русской прозе второй половины XX века [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / А.О. Большев. – СПб, 2003. – 240 с.
22. Бровман, Г. Мечта о «главной книге»: «Дневные звёзды» О. Берггольц [Текст] / Г. Бровман // Проблемы и герой современной прозы. – М., 1966. – С. 299-307.

23. Введение в литературоведение [Текст] : учеб. для филол. спец. ун-тов / Г.Н. Пospelов, П.А. Николаев, И.Ф. Волков и др.; под ред. Г.Н. Пospelова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1988. – 528 с.
24. Введение в литературоведение [Текст] : учебник для бакалавров / под ред. Л. Крупчанова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – 479 с.
25. Вознесенский, А. Аксиома самоиска [Текст]/ А. Вознесенский. – М., 1990. – 615 с.
26. Вспоминая Ольгу Берггольц [Текст] / сост. Г.М. Цурикова, И.С. Кузьмичев. – Л.: Лениздат, 1979. – 590 с.
27. Гинзбург, Л. О психологической прозе [Текст] / Л. Гинзбург. – Л.: Художественная литература, 1977. – 441 с.
28. Гланц, Д. Битва за Ленинград. 1941-1945 [Текст] / Д. Гланц; пер. У. Сапциной. – М.: Астрель, 2008. – 640 с.
29. Горяева, Т.М. Неизвестная Ольга Берггольц [Текст] / Т.М. Горяева // Вестник истории, литературы, искусства. – М., 2006. – Т. 2. – С. 478-490.
30. Гранцева, Н. Антикассандра [Текст] / Н. Гранцева // Нева. – 2010. – № 10.
31. Данилов, А. «Живы! Выдержим! Победим!»: К истории «Писем на Каму» О. Берггольц [Текст] / А. Данилов // Аргатак. – Набережные Челны, 1998. – № 7. – С. 181-186.
32. Елисеев, Н. «Я буду жить до старости, до славы...». Борис Корнилов [Текст] / Н. Елисеев, И. Басова, Б. Корнилов, О. Берггольц. – СПб.: Азбука, Азбука-Атикус, 2012. – 560 с.
33. Ерошкина, О.Н. О.Ф. Берггольц [Текст] / О.Н. Ерошкина // История Петербурга. – 2005. – № 6. – С. 7-11.
34. Завьялов, С. Что остается от свидетельства: Меморизация травмы в творчестве Ольги Берггольц [Электронный ресурс] / С. Завьялов // Новое литературное обозрение. – № 116. – 2012. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/y4-2012/16098-chto-ostaetsya-ot-svidetelstva-memorizaciya-travmy-v-tvorchestve-olgi-berggolc.html>.

35. Золотоносов, М. Охота на Берггольц. Ленинград 1937 [Текст] / М. Золотоносов. – СПб.: Мирь, 2015. – 464 с.
36. История русской советской литературы [Текст]: учебник / под ред. П.С. Выходцева. – М.: Высшая школа, 1970. – 696 с.
37. Каратеев, А. Никто не забыт – история нашей веры [Текст] / А. Каратеев // Знамя. – М., 2011. – № 5. – С. 211-216.
38. Карпов, И.П. Авторология русской литературы (И.А. Бунин, Л.Н. Андреев, А.М. Ремизов) : монография [Текст] / И.П. Карпов. – 3-е изд., стер. – М.: Флинта, 2017. – 465 с.
39. Кипнес, Л.В. Две дороги к одной победе (О.Ф. Берггольц и Б.Ш. Окуджава) [Текст] / Л.В. Кипнес // 50-летию Великой победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. посвящается. – СПб., 2005. – С. 73-78.
40. Корнилов, Б. Песня о встречном: стихотворения, поэма [Текст] / Б. Корнилов. – СПб.: Азбука, Азбука-Атикус, 2011. – 256 с.
41. Крыщук, Н. Моление о чаше. Молчание о чаше [Электронный ресурс] / Н. Крыщук. – Режим доступа: <http://ps.1september.ru/article.php?ID=200008006>.
42. Лакшин, В.Я. Ольга Берггольц [Текст] / В.Я. Лакшин // Открытая тетрадь. – М., 1989. – С. 332-361.
43. Лебина, О. «Нас вместе называют Ленинград»: Ленинград 1930-1940-х гг. глазами поэтессы Ольги Берггольц [Текст] / О. Лебина // Вокруг света. – 2003. – № 10. – С. 122-129.
44. Левин, Л. Жестокий расцвет: воспоминания об О. Берггольц [Текст] / Л. Левин // Новый мир. – 1979. – № 4. – С. 170-191.
45. Масловская, А. Духовная мать блокадников [Текст] / А. Масловская // Нева. – СПб., 1999. – № 1. – С. 196-198.
46. Медарич, М. Автобиография/автобиографизм [Текст] / М. Медарич // Автоинтерпретация: сб. ст. по рус. лит. XII-XX вв.; под ред. А. Муратова и Л. Иезуитовой. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. – С. 5-32.

47. Огрызко, В. Не из книжек скудных: Ольга Берггольц [Текст] / В. Огрызко // Лит. Россия. – 2007. – 16 февр.
48. Оконеvская, О.М. Свет дневных звезд: Воспоминания об Ольге Федоровне Берггольц [Текст] / О.М. Оконеvская // Белые ночи. – Л., 1985. – С. 83-120.
49. Оконеvская, О.М. «...И возвращусь опять»: Страницы жизни и творчества О.Ф. Берггольц [Текст] / О.М. Оконеvская. – СПб.: LOGOS, 2010. – 271 с.
50. Ольга Фёдоровна Берггольц. 1919-1975 [Текст] // Распятыe: писатели жертвы политических репрессий. – Вып. 1: Тайное становится явным. – СПб., 1993. – С. 59-64.
51. Ольга. Запретный дневник [Текст] / отв. за выпуск Н. Соколовская. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 544 с.
52. Оскоцкий, В. Дневник как правда: (из мемориального наследия В. Вернадского, О. Берггольц, К. Чуковского) [Текст] / В. Оскоцкий. – М.: Моск. рабочий, 1995. – 69 с.
53. Павловский, А.И. Стих и сердце: очерк творчества О. Берггольц [Текст] / А. Павловский. – Л.: Лениздат, 1962. – 94 с.
54. Павловский, А.И. Русская советская поэзия в годы Великой Отечественной войны [Текст] / А.И. Павловский. – Л.: Наука, 1967. – 277 с.
55. Павловский, А.И. Современная советская поэзия [Текст] / А.И. Павловский. – Д.: Знамя, 1968. – 20 с.
56. Прозорова, Н.А. Международная научная конференция, посвященная изучению жизни и творчества О.Ф. Берггольц: (к 100-летию со дня рождения) [Текст] / Н. А. Прозорова // Русская литература. – 2010. – №. 3. – С. 229-232.
57. Прозорова, Н.А. Документально-мемуарная проза О.Ф. Берггольц: парадигмы становления творческой личности (1920-е гг.) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Прозорова. – СПб., 2013. – 228 с.

58. Пронина, Е.П. Память сердца: стихи и проза О. Берггольц [Текст] / Е. П. Пронина // Литература в школе. – 1966. – № 3. – С. 10-21.
59. Пронина, Е.П. Поэзия Ольги Берггольц: Художник и время [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.П. Пронина. – М., 1990. – 17 с.
60. Пронина, Е.П. Берггольц Ольга Фёдоровна [Текст] / Е.П. Пронина // Русские писатели. XX век: биобиблиогр. словарь: в 2 ч. / редкол. Н.А. Грознова и др.; под ред. Н. Н. Скатова. – М.: Просвещение, 1998. – Ч. 1 (А-Л). – С. 165-174.
61. Пьяных, М.Ф. Ради жизни на земле: Русская советская поэзия о Великой Отечественной войне [Текст] / М.Ф. Пьяных. – М.: Просвещение, 1985. – 272 с.
62. Пьяных, М.Ф. Эпос и лирика воюющей России: А. Твардовский и О. Берггольц [Текст] / М.Ф. Пьяных // Звезда. – СПб., 1995. – № 5. – С. 166-174.
63. Роговер, Е.С. Ольга Берггольц – летописец блокадного Ленинграда [Текст] / Е.С. Роговер // Писатель. XXI век. – СПб., 2010. – Вып. 7. – С. 23-31.
64. Рубашкин, А. Голос Ленинграда [Текст] / А. Рубашкин. – СПб.: Издательство «Журнал "Нева"», 2005. – 224 с.
65. Рубашкин, А. «... луна гналась за нами, как гепеушник» [Текст] / А. Рубашкин // Звезда. – 2010. – № 3.
66. Светашова, Ю.А. «И я Тобой становлюсь, Эпоха, и Ты через сердце мое говоришь...»: к столетию со дня рождения О. Берггольц [Текст] / Ю.А. Светашова // Рус. яз. в shk. – М., 2010. – № 5. – С. 48-52.
67. Серебровская, Е.П. Об Ольге Федоровне Берггольц. Заметки [Текст] / Е.П. Серебровская; публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007-2008 годы. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. – С. 640-645.
68. Синявский, А. Поэзия и проза Ольги Берггольц [Текст] / А. Синявский // Новый мир. – 1960. – № 5. – С. 225-236.

69. Соколовская, Н. «Тюрьма – исток победы над фашизмом»: к 100-летию со дня рождения О. Берггольц; история ареста поэтессы в 1938-1939 гг. [Текст] / Н. Соколовская // Звезда. – 2010. – № 3.

70. Софронов, А. «Последний души перегон...»: (Воспоминание об О. Берггольц) [Текст] / А. Софронов // Бежин луг. – М., 1996. – № 3. – С. 126-131.

71. «Так хочется мир обнять»: О.Ф. Берггольц: исследования и публикации [Текст]: сборник к 100-летию со дня рождения / отв. ред. Н.А. Прозорова. – СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2011. – 332 с.

72. Фоняков, И. Испытание на разрыв: к 90-летию Ольги Берггольц [Текст] / И. Фоняков // Звезда. – 2000. – № 5. – С. 230-238.

73. Хмельницкая, Т.Ю. Сопричастность времени: творчество Ольги Берггольц [Текст] / Т.Ю. Хмельницкая // Голоса времени. – М., Л.: Советский писатель, 1963. – С. 125-151.

74. Hodgson, K. Voicing the Soviet Experience: The Poetry of Ol'ga Berggol'ts [Текст] / K. Hodgson. – Oxford; New York : Published for The British Academy by Oxford University Press, 2003. – 214 с.

75. Ходжсон, К. Прорываясь сквозь барьеры времени и пространства во время блокады: Ольга Берггольц [Электронный ресурс] / К. Ходжсон; пер. с англ. Ю. Костюк; под ред. К. Корчагина) // НЛО. – № 137. – 2016. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/nlo137-2016/29491-proryvayas-skvoz-barery-vremeni-i-prostranstva-vo-vremya-blokady-olga-berggolc-per-s-angl-yulii-kostyuk-pod-red-kirilla-korchagina.html>.

76. Хренков, Дм. Здравствуйте, Ольга!: страницы жизни и творчества О.Ф. Берггольц [Текст] / Дм. Хренков // Нева. – 1977. – № 5. – С. 59-104.

77. Хренков, Дм. От сердца к сердцу: о жизни и творчестве Ольги Берггольц [Текст] / Дм. Хренков. – Л.: Сов. писатель, 1982. – 255 с.

78. Хренков, Дм. Совесть Ольги Берггольц [Текст] / Дм. Хренков // Ленинградская панорама. – Л., 1988. – С. 282-291.

79. Цурикова, Г. Ольга Берггольц [Текст] / Г. Цурикова. – Л.: Знание, 1961. – 50 с.

80. Чащина, Л.Г. Все шло к тебе, торжественная зрелость...: о поэзии О. Берггольц [Текст] / Л.Г. Чащина // Литературная учеба. – 1985. – № 3. – С. 116-126.

81. Чащина, Л.Г. Публицистика Ольги Берггольц 30-х годов и периода Великой Отечественной войны [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Г. Чащина. – Л., 1989. – 17 с.

82. Шурупова, О.С. «Дыша одним дыханьем с Ленинградом...»: Блокадная поэзия О. Берггольц [Текст] / О.С. Шурупова // Рус. речь. – М., 2010. – С. 34-39.

**МЕТОДИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА УРОКА ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ
ДЛЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ 11 КЛАССА НА ТЕМУ:
«ЛЕНИНГРАДСКАЯ МАДОННА:
СУДЬБА И ПОЭЗИЯ О.Ф. БЕРГГОЛЬЦ»**

Тема: «Ленинградская мадонна: судьба и поэзия О.Ф. Берггольц».

Цели:

Образовательные:

- познакомить учащихся с жизнью и творчеством О.Ф. Берггольц;
- выявить причины популярности поэзии О.Ф. Берггольц в блокадном Ленинграде;
- определить значение поэзии О.Ф. Берггольц для русской литературы;
- дать школьникам знания, необходимые для подготовки к ЕГЭ по литературе и русскому языку.

Развивающие:

- развивать навыки выразительного чтения текстов;
- развивать умение анализировать стихотворные тексты;
- развивать познавательные способности учащихся;
- способствовать развитию слуховой и зрительной памяти.

Воспитательные:

- прививать любовь к литературному творчеству О.Ф. Берггольц;
- формировать поэтический вкус учащихся;
- воспитывать эстетические и этические качества личности;
- формировать гражданско-патриотические качества личности.

Оборудование: компьютер, проектор, экран, акустическая система.

Средства обучения: портрет О.Ф. Берггольц, фотографии О.Ф. Берггольц, презентация, аудиозапись выступления О.Ф. Берггольц на

радио, видеозапись с прочтением стихотворения О.Ф. Берггольц Ольгой Лерман, тематические стенды, посвященные блокаде Ленинграда, книжная выставка.

Ход урока

1. Организационный момент.

2. Слово учителя. Великая Отечественная война – это тяжёлое испытание, выпавшее на долю русского народа. Литература того времени не могла оставаться в стороне от этого события. Работники литературы и искусства в условиях войны подчинили всё своё творчество интересам защиты Родины. Они несли в сознание сражающегося народа идеи патриотизма, высокого нравственного долга, призывали к мужеству, беззаветной стойкости. Писатели жили одной жизнью со сражающимся народом: мерзли в окопах, ходили в атаку, совершали подвиги и ...писали. Одним из таких поэтов и была О.Ф. Берггольц, которая подобно тысячам ленинградцев стойко пережила все ужасы блокады. Ленинград – её гордость и её любовь, а О.Ф. Берггольц – его муза, его поэт. Здесь, в домике, на Невской заставе, она родилась и росла. Здесь она много работала, писала стихи, пьесы. Сюда она возвращалась из своих поездок. Откройте тетради и запишите тему занятия (Слайд 1).

3. Постановка целей и задач:

– Сегодня главная цель нашего урока – определить значение поэтических произведений О.Ф. Берггольц, написанных в период войны. Для этого нам необходимо прослушать тексты произведений и проанализировать их (Слайд 2).

4. Введение новых знаний:

– Сегодня мы открываем книгу жизни и поэзии О.Ф. Берггольц на странице, повествующей о днях блокады Ленинграда. Мы услышим голос самой поэтессы, её стихи (Слайд 3).

Задание на опережение. Первый ученик. В годы блокады 1941-1943 гг. Ольга Берггольц находилась в осажденном Ленинграде. Ольга Федоровна была направлена в распоряжение литературно-драматической редакции ленинградского радио. Спустя самое недолгое время тихий голос Ольги Берггольц стал голосом долгожданного друга в застывших и тёмных блокадных ленинградских домах, стал голосом самого Ленинграда (Слайд 4). Это превращение показалось едва ли не чудом: из автора мало кому известных детских книжек и стихов, про которые говорилось «это мило, славно, приятно – не больше», Ольга Берггольц в одночасье вдруг стала поэтом, олицетворяющим стойкость Ленинграда. В Доме Радио она работала все дни блокады, почти ежедневно ведя радиопередачи, позднее вошедшие в ее книгу «Говорит Ленинград» (Слайд 5). Давайте прослушаем записи радиопередач О.Ф. Берггольц (Слайд 6).

Учитель. Вашему вниманию предоставляется видеозапись с прочтением стихотворения «Мы предчувствовали полыханье...» Ольгой Лерман (Слайд 7). Далее мы приступаем к анализу произведения.

Второй ученик. Стихотворение написано в июне 1941 года. Как и у многих поэтов тех дней, оно звучит подобно клятве. О.Ф. Берггольц выразила чувства, общие для советской поэзии тех лет (Слайд 8). Но в первые дни войны ещё трудно, невозможно предугадать весь трагический размах всенародной беды. Ленинград, однако, очень скоро почувствовал приближение врага (Слайд 9). Ленинградские писатели организовали писательский взвод, влившийся в народное ополчение, а затем в ряды действующей армии (Слайд 10). Это стихотворение можно назвать посвящением Родине, искренним признанием автора в любви к ней, любви неиссякаемой и крепкой:

Я люблю Тебя любовью новой,
горькой, всепрощающей, живой...

Поэт говорит не только от себя. Чувствуя преданность русского народа своей Родине, О.Ф. Берггольц смело заявляет:

встала бы на зов Твой из могилы,
все б мы встали, а не я одна.

Третий ученик. Стихотворение относится к жанру послания. Идея произведения заключается в эмоциональном всплеске, порыве, пробуждению силы, стойкости, жесткости, веры, готовности сражаться, стоять насмерть и победить. Стихотворение написано горячо, звонко. Лирический герой – голос не только Ольги Берггольц, это многотысячный глас Народа – великого и непобедимого.

5. Работа с текстом (комплексный анализ текста).

Заполнение таблицы.

Название	«Мы предчувствовали полыханье...»
Идея	единение с Родиной, вечная преданность ей.
Жанр	послание.
Пафос	Героический
Стихотворный размер	Хорей

Учитель. Давайте найдем изобразительно-выразительные средства. Бесспорно, привлекают яркие эпитеты: «полыханье трагического дня», гипербола «слепящая вспышка» подчеркивает трепет души героини. К метонимии можно отнести следующие строфы о Родине: «это не со мной – с Тобою было, это Ты мужалась и ждала». В стихотворении Родина – живое, дышащее, страдающее существо. Особое внимание хочу обратить на следующий неповторимый образ, созданный автором в данном произведении:

Родина моя в венце терновом
С темной радугой над головой.

В эпитете «тёмная радуга» заложен глубокий смысл. Его можно также отнести к стилистическим фигурам, таким как антитеза. В стихотворении

присутствуют риторическое восклицание и обращение, которые мастерски используются в заключении:

Он настал, наш час,
и что он значит –
только нам с Тобою знать дано.

Работы в группах.

6. Подведение итогов:

6.1. Рефлексия:

– Какие эмоции у вас вызвало стихотворение О.Ф. Берггольц? (ответы детей).

– Хотели бы вы узнать о других периодах жизни и творчества О.Ф. Берггольц? (ответы детей).

6.2. Вывод: Память о войне, о блокаде Ленинграда, как и любая человеческая память, постепенно стирается. Проходят годы, и всё меньше и меньше остается ленинградцев-блокадников (Слайд 11). Самое страшное, что с ними уходит и память. Я очень надеюсь, что эта память станет частью и вашей жизни, и не оборвется эта тонкая нить, связывающая нас с тяжелейшими днями жизни нашей страны (Слайд 12). Я бы хотела закончить урок словами Даниила Гранина: «Ольга Берггольц – особое явление, особая боль, любовь, гордость и ленинградцев, и петербуржцев. Она была красивым человеком. А голос её – поразительный голос» (Слайд 13).

6.3. Оценки за занятие.

7. Домашнее задание:

- проанализировать стихотворение О.Ф. Берггольц «Первый день» (1941 г.);

- иллюстрация к стихотворениям О.Ф. Берггольц (на выбор).